

ИСКУРКА

7 ИЮЛЬ
1985

Москва. Фестиваль.

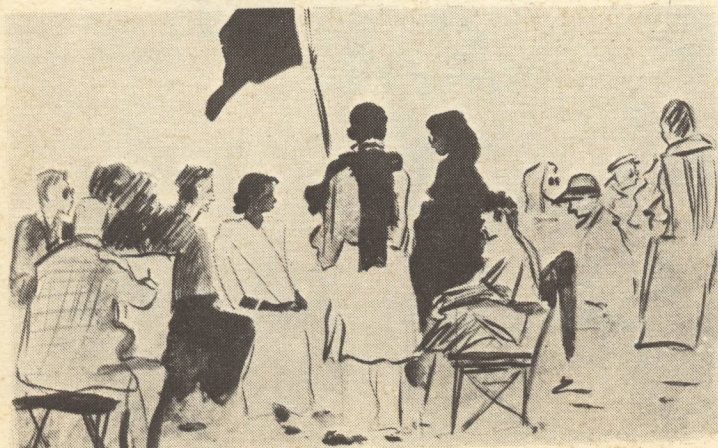
Девушка из Судана.

Девушка с Кипра.

Два танца — два характера народов.

Встреча, которая запомнится на всю жизнь.

Арабский художник.

ИСКОРКА

7 ИЮЛЬ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

газеты
Ленинские
искры;
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Мир, Дружба, Солидарность

ВФДМ

Четыре буквы «ВФДМ» — это сокращённое название Всемирной федерации демократической молодёжи. ВФДМ была создана 40 лет назад — в год великой Победы над германским фашизмом.

Вот как это происходило.

В конце октября 1945 года в Лондон на Всемирную конференцию молодёжи съехались 600 представителей из 63 стран. Выступлений на конференции было много, и фактически все ораторы говорили о войне и мире, потому что вторая мировая война, принёсшая народам бесчисленные страдания, только что закончилась. Молодые люди разных стран говорили о том, что нужно бороться за мир на земле, за независимость народов, за обеспечение прав молодёжи во всех странах бороться против фашизма, расизма, колониализма и империализма.

Вот какую ответственность взвалила себе на плечи молодость мира.

Для руководства деятельностью молодёжи 10 ноября 1945 года и была создана ВФДМ. В неё вошли 200 молодёжных организаций из 98 стран. Избраны были руководящие органы федерации — Исполком и Секретариат. Штаб-квартира ВФДМ разместилась в столице Венгрии —

Будапеште. А эмблему ВФДМ ты видишь на почтовой марке. День создания ВФДМ, 10 ноября, стал праздником — Всемирным днём молодёжи.

СОЛИДАРНОСТЬ

Слово «солидарность» в девизе ВФДМ появилось не сразу, но чувство солидарности было присуще демократической молодёжи всегда.

Молодые люди из французского города Орадур, разрушенного гитлеровцами, писали своим ровесникам в чешскую деревню Лидице, в годы войны сожжённую фашистами дотла:

«Вчера мы терпели жертвы от одного и того же врага — гитлеровских нацистов. Сегодня мы объединёнными усилиями хотим построить прочный мир...»

После войны между молодёжью разных стран стали складываться совершенно новые отношения. И это не просто красивые слова, молодёжная солидарность проявлялась в конкретных делах.

Французские войска, пытаясь сохранить индокитайские колонии, вели войну против вьетнамского народа, а французская молодёжь вместе со всей трудовой Францией решительно выступила за свободу Вьетнама. Французские докеры отказывались грузить оружие на суда, направляющиеся в Индокитай. Французская девушка Раймонда Дьен легла на железнодорожные рельсы, чтобы не пропустить эшелон с войсками. Её судили, приговорили к тюремному заключению. Но это не испугало молодых. Имя Раймонды прозвучало на весь мир, а во Франции у неё нашлось много последователей.

Активная солидарность французской демократической молодёжи с

народами французских колоний ускорила ход политических событий. Французские войска были выведены из Вьетнама и Алжира, была предоставлена независимость многим французским колониям в Африке и Азии.

А когда во Вьетнам пришла полумиллионная американская армия, чтобы задушить стремление народов Индокитая к независимости, в борьбу за свободу Вьетнама включилась американская молодёжь. Молодые американцы, несмотря на угрозу тюрьмы, отказывались служить в армии. В знак солидарности с вьетнамским народом американские молодёжные организации проводили многотысячные митинги и демонстрации, выпускали антивоенные листовки. Ты видишь на снимке значок, выпущенный одной из американских молодёжных организаций, — на значке изображены контур Вьетнама и надпись, призывающая к солидарности с народом Вьетнама.

Многие колонии, добившись политической независимости, оказывались в трудном экономическом положении. У освободившихся народов не было своих инженеров и специалистов сельского хозяйства. Надо было налаживать хозяйство страны, а специалисты, оставшиеся с колониальных времён, обманывали своих новых хозяев, бессовестно грабили их.

Проявляя солидарность с народами развивающихся стран, Советский Союз в 1960 году открыл в Москве Университет дружбы народов. Позднее он получил имя Патриса Лумумбы. В университете обучаются студенты стран Африки, Азии и Латинской Америки. За 25 лет его существования уже подготовлены многие тысячи инженеров, врачей, геологов, химиков, физиков, экономистов, специалистов сельского хозяйства...

МИР

В Северном море у берегов Германии находится маленький остров Гельголанд. Он совсем крохотный, и

ЗАСЕДАНИЕ ШЕСТОЕ (пятьдесят шестое)
Ведёт заседание почётный председатель Клуба юных коллекционеров В. С. Альбум-Маркин

Дорогие друзья!

Клубу юных коллекционеров и мне лично оказана большая честь — редакция и редколлегия журнала поручили нам открыть праздничный июльский номер «Искорки».

В Москву пришёл XII Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Наши гости — юноши и девушки со всех континентов земного шара — знакомятся со столицей, с достижениями первого в мире социалистического государства. На улицах — улыбки, песни, цветы, встречи... Завязываются новые узелки дружбы — и это прекрасно, ведь и девиз Всемирной федерации демократической молодёжи — «За солидарность, мир и дружбу».

На сегодняшнем заседании Клуба вы узнаете о том, как была организована ВФДМ, мы расшифруем девиз ВФДМ, познакомим вас с некоторыми почтовыми сувенирами, посвящёнными молодёжным фестивалям.

Мне поручили сообщить вам, дорогие друзья, что в июльской «Искорке» вы также найдёте много переводов — это стихи, рассказы, сказки разных стран и народов — и сможете прочесть очерки и заметки о борьбе антифашистов за мир и счастье на Земле.

живёт на острове всего 3 тысячи человек, но каждое лето население острова намного увеличивается, потому что Гельголанд — отличный курорт с прекрасными пляжами.

А 35 лет назад остров каждый день сотрясали взрывы, хотя войны в Европе уже не было. И никто не жил на острове, и были там только развалины. Дело в том, что на острове взрывались бомбы, которые сбрасывали английские бомбардировщики, потому что англичане превратили этот маленький остров в военный полигон и учили здесь лётчиков точному бомбометанию.

И вот однажды на остров Гельголанд высадились семь отважных немецких юношей. Они подняли на острове национальный флаг и сообщили по радио, что приехали на остров в знак протеста против подготовки к новой войне и что намерены

они начать на острове восстановительные работы.

Конечно, молодых смельчаков с острова увезли, а на материке их ждал суд, но их героический поступок нашёл отклик не только в Германии, но и во всей Европе. Пришлось англичанам оставить Гельголанд в покое.

Мир нужен всем.

Но больше всех в мире нуждается молодость. Её ждёт большая жизнь, ей предстоит строить на Земле новые отношения между людьми.

Сегодня самую большую опасность миру несёт американский империализм. Генералы из Пентагона откровенно готовят ядерную войну и не скрывают этого.

Но народы всего мира, в том числе и в США, протестуют против агрессивных планов. Во многих стра-

нах, где размещено американское ядерное оружие, сторонники мира организуют шествия Мира, требуют от своих правительств уничтожить военные базы, обеспечить людям спокойствие и работу. И в первых рядах, как и всегда, выступает молодёжь.

Посмотри на марку, выпущенную в нашей стране. Молодые представители разных рас и национальностей дружно сталкиваются в море танк — символ прошедшей войны. А рядом — значок, выпущенный американской молодёжной организацией, борющейся за мир. Текст, написанный на нём по-английски, звучит: «Остановите военную машину».

ДРУЖБА

Дружить можно по-разному. Можно и заочно. Так, многие ленинградские школьники, а иногда целые классы или пионерские дружины, переписываются со своими ровесниками из Болгарии, Вьетнама, Чехословакии, ГДР, Кубы... Ребята рассказывают в письмах о жизни, учёбе, обмениваются опытом общественной работы.

Но совсем другое дело, когда дружишь с людьми, с которыми встречался лично, которым жалу руку. Такие дружеские связи возникают между юношами и девушками из разных стран на Всемирных фестивалях молодёжи и студентов. Бывает, что такая дружба продолжается всю жизнь. А когда люди дружат, им легче договориться между собой и выступать единым фронтом за сохранение мира.

Организуют и проводят молодёжные фестивали ВФДМ и Международный союз студентов. Каждый фестиваль — праздник. И не просто дружеские встречи — каждый фестиваль и огромная работа: проводятся семинары, конференции, дискуссии по самым острым проблемам современности и жизни молодёжи. На фестивалях — митинги и мани-

фестации, концерты и спортивные соревнования.

Первый Всемирный фестиваль молодёжи и студентов был проведён в июле — августе 1947 года в столице Чехословакии Праге. Потом фестивали проводились в Будапеште, Берлине, Бухаресте, Варшаве, Москве, Вене, Хельсинки, Софии, снова в Берлине, в Гаване.

Молодёжным фестивалям было посвящено много почтовых сувениров.

Вот почтовый блок ГДР, посвящённый Всемирному фестивалю мо-

лодёжи и студентов в Берлине, проходившему в 1973 году. На марке блока изображены Бранденбургские ворота. Они — символ Берлина. А над Бранденбургскими воротами размещён символ молодёжных фестивалей — пятилепестковый цветок. В нижней части блока текст — вот его перевод: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу».

XII ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ ПРИШЁЛ В МОСКВУ.

УСПЕХА ТЕБЕ, ФЕСТИВАЛЬ!

«Если о все на свете дети...»

Пьер САМАРРА

Дети

Из чего наши дети? Из шёлка и ваты,
из патоки, сладкой, как мёд:
Анжелика, Беата,
Жан, Клод.

Из чего наши дети? Из хлеба и риса,
из ветра, дождя и земли:
Антуан, Беатриса,
Поль, Берта, Жюли.

Из чего наши дети? Из неба и света,
из лазури, огня и зари:
Пьер, Тереза, Сильветта,
Коринна, Мари.

Из чего наши дети? Из плоти и крови,
из волнений, смятений, сомнений, обид:
Фредерик, Маргерит,
Каролина, Зиновий.

Брижжит ЛЕВЕЛЬ

Первые каникулы

На каникулах всё лето
За окном шумит волна.
Небо — солнечного цвета,
Глубина — зелена.

Где помельче — там ребята.
Где поглубже — корабли.

Пляж... Песок, жарой объятый,
И вблизи, и вдали...

Эти волны догони-ка —
Только пена брызнет вслед...
И не знал я до каникул,
Что поры счастливей — нет!

Поль ФОР

Хоровод

Если б все девчонки в мире,
Протянув друг дружке руки,
Дружно встали вокруг морей,—
То-то был бы хоровод!

Если б все мальчишки в мире
Моряками дружно стали,—
То-то мост из кораблей
Поднялся бы в небосвод!

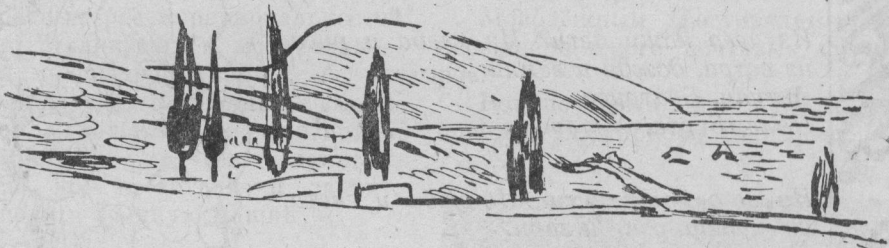
То-то был бы хоровод,
Закружились даль и высь,—
Если б все на свете дети
Дружно за руки взялись!

Перевёл с французского
М. Ясн.в.

Рис. Ю. Бочкарёва

Станислав Фурин

ЧЕТЫРЕ РАССКАЗА ПРО АРТЕК

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

РОТ-ФРОНТ

(Рассказ
бывшего артековца)

Я очнулся в полутёмной камере от острой боли в позвоночнике. Ныло всё тело. На губах спеклась кровь. Правый глаз заплыл. Вспомнился вчерашний, который уже по счёту, допрос. Гестаповец был на этот раз особенно зол и жесток.

— Тельман ваш давно за решёткой... На что вы рассчитываете? Доблестные войска фюрера у стен красной Москвы. Пройдёт несколько дней, и она будет у наших ног.

Я молчал.

— Не верите? Я вам приготовил сюрприз. Уверен, вы узнаете знакомый голос...

Гестаповец, высокого роста человек с обрюзгшим лицом, нажал на кнопку магнитофона. В комнате, где шёл допрос, раздался до боли знакомый голос. Я его не раз слышал, когда был в подполье. Говорил Левитан. Говорил, как всегда, спокойно, уверенно. Отчётливо звучало каждое его слово:

— От Советского информбюро. В последний час. На всех участках Западного фронта идут упорные

оборонительные бои. Наши войска, изматывая силы противника, удерживают город Нарофоминск...

«Нарофоминск? — мысленно задал я себе вопрос. — Да это же совсем рядом с Москвой». Сердце дрогнуло. «Вот куда добрался проклятый фашист». Но тут же вспомнились леви тановские слова: «изматывая силы противника» — и на душе стало легче.

— Узнали голос? — рявкнул обер-лейтенант.

Я молчал.

— Я вас спрашиваю, узнали голос?

Я кивнул головой в знак согласия.

— Великолепно! Скоро этот голос замолчит. Левитана мы вздёрнем на Красной площади. Первого.

Не знаю, сколько мне стоило сил, но я усмехнулся.

— Чему улыбаетесь? Я бы на вашем месте давно назвал явки, фамилии друзей и спокойно гулял по улицам Берлина...

— Не видать вам Москвы. Этого не будет никогда!

Гестаповец махнул рукой. Подскочившие ко мне охранники утащили меня в камеру для пыток. От первого удара по голове я потерял сознание. Приходил в себя, когда меня обливали обжигающе холодной водой. И снова били.

«Сколько ещё будет длиться этот

Окончание. Начало в «Искорке» № 6.

крошечный ад? Сколько ещё предстоит допросов?— подумал я с отчаяньем.— Лучше уж сразу конец...»

В углу камеры кто-то глухо застонал. Я открыл глаза. Ещё раз ощутил шершавые запёкшиеся губы. Значит, я всё-таки жив...

— Кто здесь?— тихо спросил я.

Камера не отозвалась.

— Кто здесь?— повторил я свой вопрос.

Мне казалось, что я крикнул громко. На самом деле это был полуслёпот.

В углу кто-то зашевелился. Потом надо мной склонилось заросшее, серое лицо с глубоким шрамом... И ещё я различил тельняшку...

Человек неожиданно спросил по-русски:

— Ну что, браток, тяжко?

Заговорить с ним? А вдруг провокатор?

— Потерпи,— сказал он и поднёс мне ко рту кружку с водой. — Попей, легче станет...

Он приподнял мою голову. Я глотнул. Мне действительно стало легче, а из головы всё не выходила матросская тельняшка на незнакомце. Такую подарили мне в далёком двадцать шестом советские моряки. Я на всю жизнь запомнил счастливую минуту, когда впервые надел её. И я решил:

— Ленин... коммунист... Артек.

Человек улыбнулся, приподнял меня за плечи ещё выше и положил на мой лоб свою холодную руку. Рукав его тельняшки был порван, и я заметил татуировку: два якоря и звезда.

— Артек говоришь?— переспросил моряк.

— Я был в Артеке... Пятнадцать лет назад...

— А мне вот не довелось,— прошептал моряк,— хотя издали видеть пришлось. Служил я на Черноморском...— И вдруг неожиданно вполголоса запел:

Взвейтесь кострами,

Синие ночи...

Я тихонько стал ему подпевать.

На рассвете его увели. Прощаясь со мной, он поднял руку, сжатую в кулак, и сказал: «Рот-фронт!»

В камеру он больше не возвращался...

Из берлинской тюрьмы меня отправили в Бухенвальд. Каким-то чудом я выжил. Встреча с моряком на всю жизнь осталась в памяти, как и незабываемая встреча с Артеком. Длинными бухенвальдскими ночами я вспоминал те счастливые дни пребывания в Советской России...

...На мне были короткие тирольки, белые гетры, а на груди — красный галстук. Я был членом первой

немецкой делегации пионеров, которая приехала в Советский Союз. Стоило закрыть глаза, и тут же возникали — станции, полустанки, море цветов, улыбки, крепкие рукопожатия, громкое «Рот-фронт!». В Туле пионеры подарили мне пузатый самовар.

— Тринкен, тринкен! Пейте на здоровье чай из русского самовара! Не забывайте нас! — кричали они по-немецки и по-русски, когда тронулся наш поезд.

Артек поразил нас, как первый весенний гром, которого ждёшь с особым волнением и испытываешь неповторимый трепет, когда сверкнёт молния и в небе загрохочет. Нас поразило всё: и море, и яркое солнце, и кипарисы. В старом парке, метрах в двухстах от берега, почти у подножия огромной горы, мы увидели четыре брезентовые палатки. Чуть поодаль ещё две! В столовой стояли дощатые столы. Ужинали мы в тот вечер при свете керосиновых ламп. Всё было романтично. Особенно луна. Докрасна раскалённый шар висел в тёмном небе, как сказочное чудо.

Утром была линейка. Я по-немецки отдавал рапорт человеку в военной гимнастёрке. Прозвучала команда. Флаг медленно поднимался в артековское небо. Я и мои старшие друзья подняли вверх сжатую в кулак правую руку: так рабочие Рура и Гамбурга, Берлина и Дрездена приветствовали друг друга, так они встречали своё боевое Красное знамя. Мать мне рассказывала, что отец погиб от пуль полицейских, так и не разжав кулака.

— Будьте готовы! — раздалось в утренней тишине.

— Рот-фронт! — отозвались мы.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОЛИВКОВАЯ ВЕТКА

Вот уже несколько лет храню я оливковую ветку. Она высохла. Листочки её съёжились, оливки стали как камень твёрдыми. Но я

храню её, ветка дорога мне как память об Артеке, хотя она не из знаменитой на весь Крым оливковой рощи. Моя ветка прилетела вместе со мной из португальской провинции Алентежу, что на самой границе с Испанией. И история этой ветки не совсем обычная.

В Москве стояли январские морозы. Столица буквально утопала в сугробах. А Лиссабон встретил нас приветливым солнцем, зеленеющими лугами, апельсиновыми рощами с ярко-жёлтыми плодами. Даже футбольный сезон был в разгаре.

Мы приехали сюда к португальским пионерам, которые только-только появились в стране, где победила Апрельская революция. Они с гордостью носили свой значок — на синем фоне красная звезда и желторотый цыплёнок. Разноцветных петухов с гордой осанкой, самых удивительных размеров — от напёрстка до метровой высоты — мы видели повсюду. Петух в Португалии — символ мужества, гордости, боевого духа. И вот из желторотых цыплят должны вырасти настоящие бойцы за народное дело.

— Скоро мы увидим много «цыплят», — говорит нам Мария Суареш, пионерская вожатая. — Хотя они ещё и не кукарекают, как петухи, но голос у них звонкий. Сами услышите.

Машина свернула с основной магистрали, и мы поехали в живом зелёном коридоре. И справа и слева — оливковые рощи, ровные ряды деревьев, усыпанных зелёными ягодами. Так мы очутились в кооперативе, созданном коммунистами после Апрельской революции. Крестьяне вместе обрабатывают землю. На полях кооператива работает наш советский трактор «Беларусь». Латифундисты — бывшие владельцы земли — пытаются отнять у крестьян завоеванное. Но крестьяне стоят твёрдо и не поддаются на провокации. Обо всём этом мы узнали после экскурсии на ферму и в оливковые рощи.

— А теперь мы приглашаем вас в наш Дом пионеров.

Мы прошли по улочкам с глинобитными домами, и вот перед нами — большой деревянный сарай. На крыльце и около него толпились человек тридцать — кареглазые мальчишки и девчонки с красными галстуками и пионерским значком с желторотым цыплёнком на груди.

— Марио! Ты что стесняешься? Веди гостей, показывай Дом пионеров. Ты командир, командуй.

Черноглазый черноволосый мальчуган был на голову ниже всех. Но раз выбрали его командиром — значит, было за что.

Мы прошли вместе с ребятами в помещение. У меня невольно мелькнула мысль: вот с таких избитален, домов пионеров начинала когда-то и наша пионерская организация.

В просторном зале, куда набилась почти вся деревня — и малыши, и пожилые крестьяне, — начался концерт. Инструменты для пионерского ансамбля купил кооператив, а песни ребята разучили сами. Начали с революционных. В одной из них пелось, что латифундисты хотят отнять землю у кооператива, но у них руки коротки. Мы, дети крестьян, вырастем и продолжим дело первых кооператоров. Пели ребята и народные песни — об Алентежу, об олив-

ковых рощах и тёплой Атлантике.

Неожиданно из хора вышел Марио. К нему присоединились ещё пять человек. Они запели. И здесь, на границе с Испанией, в нескольких тысячах километров от Медведь-горы, раздались вдруг сотни раз слышанные слова:

*Есть местечко в Крыму,
Отовсюду к нему
Пионеры стремятся гурьбой.
Снизу — горы и лес,
Сверху — купол небес,
А внизу — неумолчный прибой.
Поднятие флага, туман Аюдага,
Тебя, наш любимый Артек,
И Крымские горы, и Чёрное море —
Мы вас не забудем вовек!*

Слушатели, вероятно, не раз уже слышали эту задорную песню, знали её смысл и одобрительно кивали головами. Воистину — бесконечны твои дороги, Артек! Дороги, которые идут от Гурзуфа до Медведь-горы и порой пересекают всю Европу, океан, самые высокие горы. Шесть португальских пионеров прошлым летом побывали в Артеке и там дали слово, что обязательно разучат хотя бы одну песню о полюбившемся лагере на русском языке. И слово своё сдержали, пели почти без ошибок, почти без акцента... Песню исполнили «на бис». А потом вся деревня

дружно аплодировала юным певцам. Те стояли смущённые, от волнения раскрасневшиеся, глаза их просто светились радостью и счастьем.

Потом нам показали библиотеку, где бережно хранились книги и открытки об Артеке, коллекция значков и артековская медаль. И хотя это была личная награда Марио за успехи в пении, он хранил её рядом с другими артековскими сувенирами.

— Что тебе понравилось в Артеке? — спросил я Марио после концерта и осмотра библиотеки.

— Всё! — радостно воскликнул он.

— Всё-всё? — переспросил я.

— Всё-всё — и море, и «абсолют», и праздник, и купание...

Он трещал как пулемёт. Переводчик еле успевал за ним.

— А что особенно?

— В «Морском» есть укромный уголок. Он чем-то напоминал моё село. Я любил бывать там, в оливковой рощице.

Настало время прощаться. Командир отряда Марио что-то скоман-

довал ребятам. Трое из них исчезли, а через несколько минут вернулись с оливковыми веточками.

— Это вам на память об Алентежу, — сказал партийный секретарь, а Марио, чётко выговаривая, произнёс по-русски:

*Стало паролем
для встречи навек
Заветное, гордое слово
АРТЕК!*

* * *

В пионерской республике за шесть десятилетий побывало свыше 25 тысяч зарубежных ребят из более чем 100 стран мира. Здесь проходили Международные праздники и фестивали — «Салют, Победа!», «Пусть всегда будет солнце!». Каждое лето в Артеке проходит международная смена.

А на берегу моря высится монумент Дружбы — символ дружбы детей разных стран.

Рис. Ю. Шабанова

МОСКВА. ФЕСТИВАЛЬ

[К рисункам на 2-й странице обложки]

Миду-
Смир!

Мы напечатали рисунки, которым исполнилось ровно 28 лет. Это — работы ленинградских художников. Целая группа, среди них художники — Владимир Ветрогонский, Вадим Смирнов, Юрий Подляский, Давид Боровский, Фёдор Нелюбин и другие — были делегатами VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве летом 1957 года. Рисунки — впечатления от увиденного.

Впрочем, сами художники называли свои работы просто набросками или зарисовками. И это естественно, потому что в стремительном ритме праздничных дней гости фестиваля с удовольствием танцевали, пели, спорили, но ни у кого не оставалось времени позировать художникам. «Всюду были друзья, и мы их рисовали». «Рисовали на ходу», улавливая кипучую жизнь фестиваля, атмосферу радости и взаимопонимания. «И было досадно одно — не удавалось побывать повсюду одновременно».

Важно в этих рисунках и другое. На них изображены молодые люди, которые приехали, чтобы сказать «нет!» новой войне. «Фестиваль голосовал за культуру, за искусство, за дружбу, за мир — против войны!»

И сегодня, когда в Москве вновь собралась прогрессивная молодёжь всего мира, присоединим к их голосам — наши голоса. Скажем — «нет!» термоядерному оружию, «нет!» космическим войнам. Скажем — «да!» Миру, Дружбе и Солидарности на земле.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Рис. А. Аземши

Катастрофа

Фантастический рассказ

Вероятно, название этого городка, расположенного на самом юге страны, там, где с одной стороны простиралась пустыня, а с другой поднимался горный массив, так бы и осталось мало кому известным, если бы не событие, которое обрушилось на его улицы, здания офисов и небольшие коттеджи, на казармы национальной гвардии и мэрию, где сотрудники занимались в те минуты своими обычными делами, на полицейский участок и небольшой, но достаточно фешенебельный отель, на магазины и закусочные и на стадион, где проходил матч по регби между двумя местными командами... Одним словом, как потом выяснилось, никто из жителей, где бы ни укрывался в эти минуты, не избежал того ужаса, который, точно смерч, пронёсся над городом.

Этому небольшому городу и раньше уже случалось переживать стихийные бедствия: бывали здесь и землетрясения, и ураганы, приходившие с океана, и песчаные жестокие бури. Был однажды и силь-

нейший пожар, вызванный аварией на нефтепроводе... Об этих событиях долго помнили в городке, порой даже именно от них вели отсчёт времени, говоря: «Это было в тот год, когда пронёсся ураган «Мария»; «это случилось за два года до землетрясения»; «это случилось в те дни, когда полицейский Джексон получил ожоги, сражаясь с огнём...» Но все эти происшествия, как бы тяжелы они ни были, даже в малой степени не могли сравниться с тем, что произошло во вторник утром.

Утро в этот день не предвещало ничего необычного. Небо над городом было ясным, барометры показывали нормальное, устойчивое давление, и прогноз погоды, переданный по телевидению, был как нельзя более благоприятным.

Впоследствии никто не мог объяснить — и это самое удивительное, — что же явилось предвестником надвигавшейся катастрофы. Потом, когда специальная комиссия попы-

талась восстановить картину происшедшего, многие жители города, те, кого опрашивали члены комиссии, могли, хотя бы приблизительно, рассказать, что именно творилось тогда с ними, однако никто из них не мог даже предположить, откуда именно исходил источник опасности.

Единственное, что было достоверно: ощущение опасности распространялось хотя и стремительно, но словно бы волнообразно — сначала предчувствие тревоги ощутили жители западной окраины города, затем оно хлынуло дальше, в глубь городских кварталов, а вскоре это беспокойство и гнетущее предчувствие, подобное тому, что испытывают, наверное, животные перед началом землетрясения, уже переросло в панику, страх, ужас.

Казалось, страх возникал сам по себе. И чем необъяснимей было его возникновение, тем сильнее становилось чувство давящего, гнетущего ужаса. Тогда ещё никто из тех, кто первым испытал тревогу, стремительно перерастающую в страх, не знал, что эта волна страха уже катится по всему городу. Каждый был уверен, что лишь он один — жертва странного приступа болезни, близкой к безумию.

Люди метались. Одни выскакивали на улицу, надеясь именно здесь обрести спасение от надвигающейся катастрофы, другие прятались в домах, третьи пытались выбраться из города на автомобилях... Но чувство отчаяния и страха лишало их способности действовать — вывести машину из гаража, включить зажигание, верно определить направление движения. И когда те, кто выскакивал из домов, видели искажённые страхом лица других людей, их расширенные от ужаса глаза, что-то кричащие рты, — всеобщая паника разрасталась, становилась всё сильнее, всё невыносимее...

Сколько времени длилось это безумие?

Тем, кто был охвачен страхом и метался в ужасе, казалось, что всё тянулось необычайно долго. Однако, когда волна паники внезапно

схлынула и люди начали постепенно приходить в себя, выяснилось: катастрофа продолжалась не более десяти-пятнадцати минут.

Да и было ли это катастрофой? Что, собственно, произошло за эти четверть часа? Был лишь страх, было предчувствие катастрофы.

И тем не менее следы этой вроде бы и не совершившейся катастрофы были ощутимы. Разбитые, столкнувшиеся машины, высаженные стёкла, осколки на асфальте, брошенные вещи — сумки, баулы, свёртки, какие-то бумаги, веером разлетевшиеся по панели, — вот что увидели те, кто, опомнившись, но ещё не понимая, что же всё-таки произошло, озирались в недоумении. Уже надсадно были сирены полицейских машин, уже ринулись по улицам, словно сбросившие оцепенение, санитарные машины, — но теперь уже мало кто нуждался в их запоздалой помощи...

Город постепенно возвращался к привычной жизни. И многие уже пытались убедить себя, что всё то, что произошло столь внезапно, было лишь результатом их воображения.

Спустя час комментаторы в экстренных телевизионных новостях из столицы страны уже говорили об «эпидемии безумия в городе Кроумсхелл», «таинственном происшествии на юге», «ещё одной загадке, потрясшей землю», о «цунами страха»... Комментаторы спешили пересказать первые подробности происшедшего. Выяснилось, что некоему любителю-кинооператору Дональду Хорнстайну, владельцу небольшой лавочки, удалось кое-что заснять, и эти кадры, то словно бы вздымавшиеся ввысь, то летящие вниз, в дорожный асфальт, как будто камера беспорядочно металась в руках снимавшего, — замелькали, бесконечно повторяясь, на экранах телевизоров.

Но сколько ни вглядывались в эти кадры люди, им не удавалось обнаружить ничего, что могло бы объяснить стремительный прилив ужаса, охватившего город. Кто

«...те, кто выскакивал из домов, видели искажённые страхом лица других людей, их расширенные от ужаса глаза, что-то кричащие рты...»

преследовал этих бегущих людей? Почему искали они убежище? Какая сила заставляла их метаться в панике? Ответа на эти вопросы так и не было.

Впрочем, комментаторы, ссылаясь на мнения авторитетных учёных, попытавшихся дать первые объяснения всему случившемуся, уже торопились высказать свои собственные предположения:

«...Воздействие некоего неопознанного объекта, прошедшего над городом, направленного, по всей вероятности, к Земле инопланетянами...»

«...Прорыв сквозь трещины в земной коре невидимых и неосязаемых на вкус и запах скоплений ядовитого газа, ранее неизвестного науке и способного необычайно сильно воздействовать на психику человека...»

«...Новый, ранее неведомый медулам вирус, принесённый течением воздуха с гор и способный вызвать массовое мгновенное и столь же быстро проходящее безумие...»

«...Судя по первым гипотезам, повторение подобного явления вряд ли возможно. Жители Кроумсхелла могут быть спокойны. Теперь слово за учёными, призванными разгадать ещё одну волнующую загадку природы...»

Голоса комментаторов ещё продолжали в упоённом возбуждении звучать с экранов, когда город ощутил новое приближение волны страха.

Снова, как и несколько часов назад, необъяснимая тревога, перерастающая в панику, прокатилась по городу. Слово бы стремительный ветер ужаса вновь пронёсся над домами Кроумсхелла. Всё повтори-

Асисяй едет на фестиваль

(Интервью
с Вячеславом
Полуниным
накануне
XII фестиваля
в Москве)

Вот так чудак вышел на сцену — обхохочешься! Взлохмаченные волосы, красный нос-пробка, оранжевый мешковатый комбинезон да в придачу красный шарфик, красные носки и такие же яркие домашние туфли. Да вы, ребята, его знаете. Ну конечно, это Асисяй — популярный клоун-мим Вячеслав Полунин.

Вот сейчас раздастся телефонный звонок и Асисяй возьмёт трубку...

Но что это? Такого разговора мы ещё не слышали.

— Аллё? Н-да, Асисяй. А-СИ-СЯЙ! Н-да, н-да... Москва? Угу. Фестиваля? Фестиваля?! О-о-о! О-о-о! Фестиваля...

лось, только теперь ужас, охвативший людей, был ещё сильнее, потому что казалось: этому уже не будет конца.

Но, как и в первый раз, катастрофа, обрушившаяся на город, длилась не более пятнадцати минут. Но теперь, едва только в Кроумсхелл вернулось относительно спокойствие, началось повальное бегство из города.

Однако первые же машины, вырвавшиеся из Кроумсхелла на шоссе, были остановлены специальными патрулями. Выезд за черту города был перекрыт, город оказался оцеплен национальной гвардией.

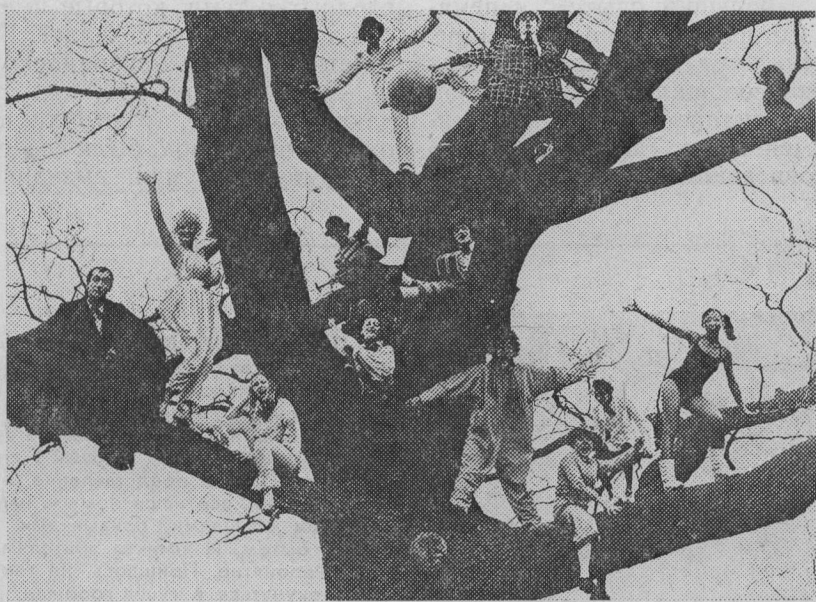
Слова «эпидемия», «вирус», «таинственная болезнь» замелькали в заголовках газет.

Власти страны обращались к жителям Кроумсхелла по радио с призывом сохранять спокойствие и не покидать свои дома. Опасность рас-

пространения по всей стране ранее неизвестной медицине болезни, говорилось в этом обращении, заставляет нас полагаться на ваше мужество и гражданскую сознательность. Уже создана особая комиссия, состоящая из специалистов самой высокой квалификации, которая незамедлительно прибудет в Кроумсхелл для выяснения причин постигшего город бедствия и оказания необходимой помощи. Спокойствие, хладнокровие и стойкость — вот что сейчас больше всего требуется от мужественных жителей Кроумсхелла. Город объявлен зоной стихийного бедствия. Помните: взгляды всей страны сегодня обращены на юг, к вашему городу. И пусть надежда и мужество не покидают вас!

Такими словами заканчивалось обращение.

Ещё несколько часов прошло в тревожном ожидании. Нового при-

Можно смело сказать, что Асияся знают все. Но лучше других — мы, ленинградцы, потому что именно в нашем городе Вячеслав Иванович Полунин создал первый в стране театр мимов-клоунов «Лицедеи».

И вот в этом маленьком театре, что в Ленинградском Дворце молодёжи, кипела работа. Двадцать мимов и мимесс (так называют мимов-женщин) стали собираться в Москву, на XII Всемирный фестиваль молодёжи и студентов.

Сначала они решили проверить, не за горами ли фестиваль, и забрались для этого на дерево. Да, фестиваль был действительно на горизонте. Значит, надо собираться в путь.

лива панического страха не последовало.

А вскоре в аэропорту Кроумсхелла приземлился самолёт, на котором прибыла специальная, наделённая особыми полномочиями комиссия.

Комиссия состояла из семи человек, и возглавлял её профессор Бергсон. В выражении его лица, в манере держаться сочетались озабоченность и оптимизм, деловитость и энергичная жизнерадостность, свойственная людям, уверенным в себе, знающим себе цену. И эта его уверенность, казалось, сразу передавалась представителям городских властей, встречавшим комиссию в аэропорту. Фамилия профессора мало что говорила жителям города, но то почтительное уважение, с каким обращались к Бергсону остальные члены комиссии, заставляло думать, что этот человек действительно обладает и большим опытом, и немалой известностью в научном мире. В газетных статьях, посвящённых Бергсону, сообщалось, что начинал он как специалист в области космической медицины. Так или иначе, но с его появлением в городе связыва-

ли вполне реальные надежды на разгадку тайны событий, которые потрясли город.

В первый день Бергсон охотно дал интервью, точнее — устроил небольшую пресс-конференцию, во время которой на вопрос одного из журналистов: какую именно из ранее высказанных точек зрения на причины катастрофы он считает наиболее вероятной? — он не без юмора заметил, что для него, как для учёного, любая точка зрения остаётся вполне вероятной до тех пор, пока не будет доказана её абсолютная невероятность. На вопрос: есть ли у него собственная версия происшедших событий? — профессор ответил, что даже если бы у него была таковая, он бы предпочёл до поры до времени её не обнародовать.

Потом Бергсона спросили: приходилось ли ему раньше сталкиваться с чем-либо подобным или, по крайней мере, встречать в научной литературе упоминания о явлениях, сходных с теми, которые имели место здесь, в Кроумсхелле? Бергсон ответил: нет, не приходилось.

— Если допустить, как утверждают некоторые, что страх и паника, охватившие город, были своего рода эпидемией безумия, вызванной не-

Польша, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Франция, Италия... — в 16 стран пролегли маршруты гастрольных поездок Асисия и его труппы. И везде — успех.

— Был... и провал, — улыбается Полунин. — Помню свой первый спектакль в Греции. Первое представление, и первая неудача. Ведь все наши номера наполнены русскими обычаями, привычками, интонациями, бытом. И кое-что зрителям-грекам было непонятно. Пришлось, не теряя времени, окунуться в гущу горожан, нырнуть в кафе и магазины Афин, подсмотреть, как греки говорят «нет», а как «да», какие у них при этом лица... Даже язык мимов требует порой корректировки.

А на фестивале ситуация будет необычная: все народы будут в одном зале, так что уже сейчас готовимся к общению с интернациональной аудиторией: вон у меня в руках — весь мир...

ким, пока не известным науке вирусом, — сказал один из репортёров, обращаясь к Бергсону, — то не боитесь ли вы, профессор, стать ещё одной жертвой этой эпидемии или, говоря проще, заразиться этой таинственной и грозной болезнью?

— Что ж, — ответил Бергсон, улыбаясь, — вероятно, это можно было бы считать удачей. В таком случае мы бы сразу получили убедительное доказательство данной версии...

— Верит ли профессор в то, что ему и членам его комиссии удастся найти истинное объяснение катастрофы, постигшей город, обнаружить действительные её причины?

— Если бы я не верил в это, меня бы здесь не было, — ответил Бергсон. — Ну, а если говорить вполне серьёзно, то главная цель нашей комиссии — воссоздать как можно более полную картину всего, что произошло, со всеми деталями и мельчайшими подробностями. Поэтому мы начнём с массового опроса свидетелей разыгравшейся драмы, тех, кто её пережил. Наша комиссия обращается ко всем жителям города с просьбой оказать нам максимальную помощь. Я бы не по-

боялся утверждать, что разгадка катастрофы — в ваших руках, в руках жителей Кроумсхелла...

Этим словами Бергсон и закончил пресс-конференцию.

Уже на следующий день комиссия приступила к работе. Одна за другой накапливались магнитофонные записи — рассказы тех, кто был свидетелем и участником катастрофических событий.

Дора М., 36 лет, домохозяйка:

«...Это произошло утром, как раз вскоре после того, как я отправила детей в школу. Муж мой — он банковский служащий — уехал на работу. Нет, никаких признаков беспокойства, тревоги или чего-либо необычного я не замечала: он, как всегда, вывел «Тойоту» из гаража, поцеловал меня в щёку и уехал. А я принялась за уборку. Я хорошо помню: посуда была уже вымыта и я выключила электропосудомойку, когда вдруг ощутила первые признаки какого-то смутного, неясного беспокойства... Впрочем, такие приступы беспричинного беспокойства у меня бывали и раньше, и потому в тот момент я не придавала им особого

— Мой герой — старик, всегда юный душой, — раскрывает секрет своего героя Полунин. — И всем — и взрослым, и детям — Асияй говорит о том, что нужно быть добрым и, взрослея, не следует терять то, что у нас в избытке есть в детстве.

Асияй старается сохранить в себе эту детскость, доброту и помогает сохранить её другим...

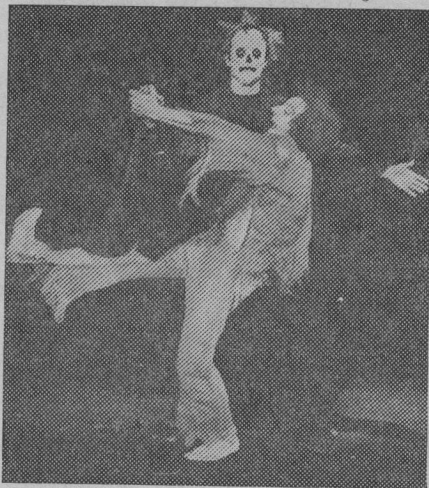
В Славином детстве, прошедшем в маленьком городке Орловской области, не было театра. Но было кино. Именно кинематограф принёс ему пример для подражания: мальчишка влюбился в Чарли Чаплина. А позже «заболел» пантомимой. Даже в школьном сочинении написал: «Хочу быть клоуном».

Похоже, что и Полунин-младший — Паша Полунин — тоже станет клоуном. У Асияя растёт Асияйчик...

значения, только подумала, что надо бы принять таблетку транквилизатора. Но я ещё не успела добраться до аптечки, как почувствовала, что беспокойство перерастает в самую настоящую тревогу. Я не могла сообразить, чем эта тревога вызвана. Но первая моя мысль была о детях. «Что-то произошло с детьми», — подумала я. Страх за детей усиливался с каждой секундой, становился всё невыносимей. У меня — как бы это объяснить поточнее — было такое чувство, будто я забыла сделать что-то очень важное и именно потому моим детям теперь грозит опасность. Я заметалась по комнате, пытаюсь понять, что же я должна сделать. Но самое ужасное как раз в том и заключалось, что понять, осознать, что мне делать, я была уже не в состоянии. Я в буквальном смысле слова потеряла голову. Теперь я вижу, что мои действия в тот момент были абсолютно бессмысленными. В панике я кинулась в детскую — на мгновение мне вдруг представилось, что дети ещё там, что они нуждаются в моей за-

щите, — ощущение надвигающейся опасности было так ясно, так отчётливо, так страшно... Кажется, я закричала. Детская, естественно, оказалась пуста. Но это не только не успокоило, а ещё больше испугало меня! Я стала хватать и заталкивать в сумку какие-то детские вещи. Зачем? Не знаю! Потом, позже, когда я уже опомнилась и увидела у себя в руках эту сумку, в неё вперемежку были запихнуты дочкины платья и книжки сына, игрушки и баночки с томатным соком, я так и не смогла понять, зачем мне понадобились все эти вещи, что я собиралась предпринять... Но в ту минуту с этой сумкой я бросилась на улицу. На улице творилось что-то невообразимое. Как раз напротив нашего дома столкнулись две машины, кто-то, визжа, пробежал мимо меня... Что было дальше, я помню смутно. Я очнулась на ступеньках своего дома, я сидела, прижав к груди всё ту же сумку с детскими вещами, — значит, я так никуда и не ушла, не убежала... Страх постепенно отпускал меня, и я с удивлением

И Полунин, и его друзья-артисты молодцы, молод и сам театр и его аудитория — школьники, рабочие, студенты... А вот сколько лет Асисяю?

Порой может показаться, что 15, и тут же — все 70.

А то вдруг он ведёт себя, словно пятилетний ребёнок.

— Мы, клоуны-мимы, не только смешим, но и высмеиваем. И обличаем! — рассказывает нам Вячеслав Полунин. — Взять, к примеру, наш спектакль «Чурдаки». Перед вами — целый мир. Как в фокусе, отражаются в нём любовь и ненависть, стремление к миру, осуждение войны. Поэтому и случается, что наше искусство не всем оказывается по нраву...

Вот совсем свежий пример: накануне XII Всемирного фестиваля в Москве проходил Всесоюзный конкурс-смотр эстрадной публицистики и политической сатиры. На нём был представлен и наш театр, который стал лауреатом, показав яркие антивоенные, вовсе не смешные номера.

оглядывалась вокруг, ещё не в силах сообразить, что произошло... Уже потом я узнала, что, оказывается, нечто подобное в те минуты испытывали и все остальные жители города».

Роберт С., школьник, 11 лет:

«...Я шёл по улице. Мне вдруг стало страшно. Так страшно, как бывает только во сне, когда снится что-нибудь очень плохое. Один раз мне снилось, что на нас упала атомная бомба и все мы горим. Но тогда я закричал во сне и меня разбудила мама. Она села рядом со мной и стала гладить меня по голове, и мне перестало быть страшно, потому что я понял, что всё это — про атомную бомбу — мне только снилось. А тут я не мог ведь проснуться, потому что я не спал. Мне было всё страшнее. Тогда я стал кричать и побежал. Мне казалось, за мной кто-то гонится. Я бежал всё быстрее. Но у меня не было больше сил. Я не мог больше бежать. Мне не хватало воздуха, чтобы дышать. Я упал и закрыл голову руками...»

Дэвид К., полицейский, сержант, 29 лет:

«...Поверьте, профессор, мне приходилось бывать в разных переделках, я в такие иной раз попадал передраги, что у кого другого наверняка волосы бы поднялись дыбом, а я, не хвастаясь, скажу, никогда не терял присутствия духа. Потому что в нашем деле главное — не терять присутствия духа. Так что меня не назовёшь трусливым парнем, мне, повторяю, всякого довелось понюхать. Но тут... Тут было совсем другое. Это и мои ребята вам подтвердят...

В то утро мы на нашей патрульной машине готовились выехать на дежурство. Я и ещё трое парней, которых тоже, в общем-то, не заподозришь в трусости. Всё было нормально, как и положено, ничто не предвещало, что день может оказаться тяжёлым. Мы шли к машине, как вдруг... Первым, по-моему, это ощутил Рональд. Он обернулся ко мне и сказал: «Послушай, Дэвид, у меня такое чувство, будто мы за-

Все месяцы, предшествовавшие фестивалю, театр «Лицедеи» жил его ожиданием, готовился к будущим выступлениям. Ведь в рамках всемирного форума молодёжи, его культурной программы пройдёт международный фестиваль пантомимы и клоунады. Однажды советские мимы уже встречались все вместе на «Мим-параде» в городе на Неве. Теперь такая встреча с коллегами состоится в Москве.

— Нам, мимам, повезло, — считает Вячеслав Иванович, — мы можем влиять на взгляды людей, особенно молодёжи, больше, чем другие артисты, ведь язык пантомимы понятен всем. Мы счастливы, что будем выступать перед огромной аудиторией XII Всемирного фестиваля. Главное, о чём мы будем говорить его участникам: добро должно победить зло, мир — войну.

Брали интервью Б. Ровда, Н. Николин
Фото Ю. Белинского

были закрыть камеру с преступником...» Он сказал это ещё вроде бы в шутку, но взгляд у него — я это заметил точно — был тревожным. И за шуткой он пытался спрятать эту тревогу. Он даже попробовал улыбаться. Но в следующий момент лицо его исказилось, и он вдруг отпрыгнул в сторону, пытаясь выхватить пистолет. Я ещё не успел сообщить, что происходит, как на меня навалилось чувство безнадёжности. Да, да, именно безнадёжности — это, пожалуй, будет самое верное слово. Будто мы оказались в ловушке. Наверное, такую безнадёжность испытывает человек, приговорённый к смерти. Наверное. Или ещё можно сказать: смертельный страх, это тоже будет точно. Я не стыжусь вам в этом признаться, профессор, потому что уже говорил, что бывал в разных передрягах и знаю себе цену. И тут, помню, я еще скомандовал что-то, я крикнул, чтобы вселезли в машину, но мои парни уже вроде бы и не слышали меня. Кто-то из них выстрелил, кажется, в воздух, не знаю. В общем, это были отчаянные минуты. До сих пор не понимаю, как мы не перестреляли друг друга. Я даже думаю, что, может быть, как раз это чувство безнадёжности, ощущение, что сопротивление бесполезно, и спасло нас. Но я вам скажу, профессор: не дай бог никому пережить то, что я пережил в те минуты. Кстати... Кстати, у меня есть одна догадка... Как вы считаете, профессор, это не их рук дело? Ну да, я имею в виду именно русских. Мои парни тоже так считают. Иначе ничем больше это и не объяснишь. Мы только молчим, чтобы не поднимать в городе новую панику. Но вам-то я могу сказать об этом. Вот, пожалуй, и всё, что я мог сообщить...»

Джон П., служащий мэрии, 41 год:

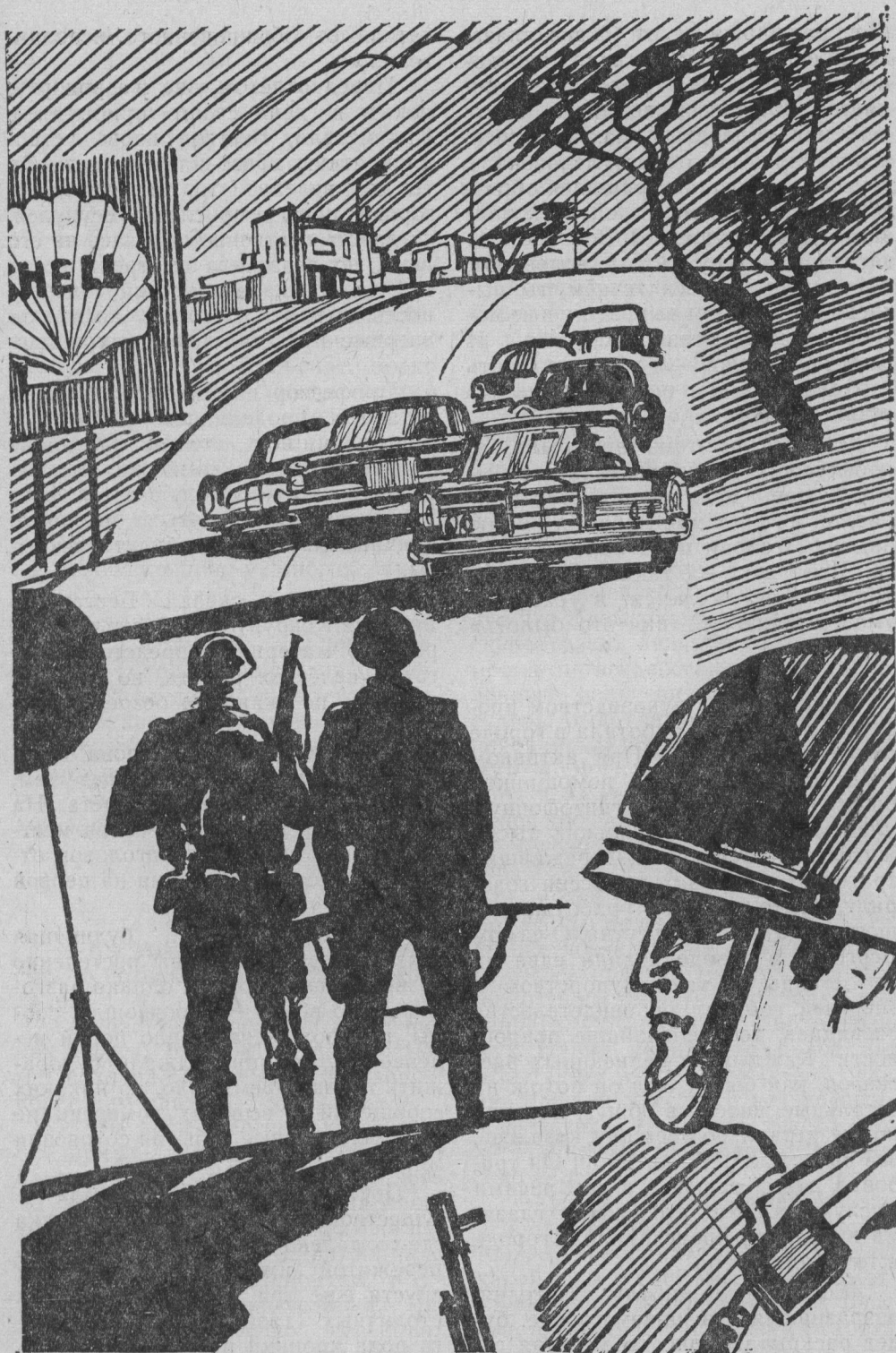
«...Очень сожалею, но я не могу ничего рассказать вам, профессор. Мне просто стыдно и неприятно вспоминать, как я себя вёл в те минуты. Мне бы не хотелось, чтобы это где-либо было зафиксировано.

Не знаю, может быть, и все так себя вели, но я-то говорю о себе. Я никогда не предполагал, что могу повести себя так позорно. И я не хочу снова вспоминать об этом. Да, я понимаю, нужно для науки... для выяснения причин... и всё же... нет, профессор, не уговаривайте, не убеждайте меня, я ничего не стану рассказывать. Неужели вы никогда не переживали такого, что вам хотелось бы как можно скорее забыть?»

Джордж С., преподаватель, 47 лет:

«...Я всегда утверждал и продолжаю утверждать, что человека больше всего пугает то, что необъяснимо. А события, обрушившиеся на нас в тот день, были именно необъяснимы. Ведь каким бы жестоким ни был ураган, ты знаешь, что рано или поздно он кончится, не может не кончиться; как бы сильно ни бушевал пожар, ты знаешь: рано или поздно он будет потушен. Одним словом, у тебя есть понимание происходящего. Вот что важно. А тут этого не было. Никто ничего не понимал. Я думаю, тот страх, который мы испытали в те минуты, можно уподобить страху, который испытывал первобытный дикарь, когда над ним начинали сверкать молнии и грохотать гром. Ведь он тоже не понимал тогда, что происходит. Но главное, к чему я хотел бы привлечь ваше внимание, профессор, даже не это. Главное — поведение толпы в этот момент. Разумеется, «толпа» здесь термин несколько условный, ибо я имею в виду учащихся нашего колледжа. Собственно, под толпой я подразумеваю любое значительное скопление людей. И поверьте мне, профессор, это была страшная картина. Уж кажется, с самых малых лет мы довольно-таки натренированы по части всяких ужасов, но одно дело, когда видишь подобное на экране, а другое — когда в реальной жизни, вот здесь, в двух шагах от тебя!

Вы представляете, что значит оказаться в охваченной паникой толпе? Что значит видеть бессмыслен-

«Выезд за черту города был перекрыт, город оказался оцеплен национальной гвардией».

ные, расширенные от ужаса глаза, искажённые страхом лица, перекошенные от крика рты? Представляете? Вот так и выглядел в тот день наш колледж. Страх, казалось, передавался от одного человека к другому и снова возвращался обратно уже с удвоенной силой. Вы хотите знать моё ощущение? Вот оно: ты захвачен, затянут в этот водоворот, ты захлёбываешься в нём, ты пытаешься из него вырваться и не можешь, силы оставляют тебя... И главное, главное — я хочу повторить это ещё раз — ты не понимаешь, что происходит...

Что же всё-таки это было, а, профессор, что же всё-таки это было? Теперь меня мучит этот вопрос, он не даёт мне покоя, я ломаю над ним голову и не нахожу ответа. Что же всё-таки это было?.. Иногда мне кажется, я схожу с ума... что же всё-таки это было?..»

Комиссия под руководством профессора Бергсона работала в городе около двух недель. При активном участии добровольных помощников были записаны на магнитофонную плёнку рассказы нескольких тысяч жителей Кроумсхелла, переживших трагедию. О членах комиссии говорили, будто все они работают по шестнадцать часов в сутки. О самом Бергсоне в городе ходили едва ли не легенды, с таким упорством и энергией собирал он свидетельства очевидцев, все мельчайшие подробности! Каждый из записанных рассказов, как бы ни был он похож на остальные, вносил в общую картину новые детали, но Бергсону, казалось, всё было мало. Мало, мало! Он требовал новых записей, и сам часами выслушивал тех, кто своими глазами видел, что происходило в городе в то роковое утро...

«Если когда-нибудь трагедия, разразившаяся в нашем городе, будет раскрыта, — писала местная газета, — то только благодаря одержимости профессора Бергсона, той одержимости, которая отличает истинного учёного, истинного исследо-

вателя от обыкновенного исполнителя...»

Перед отлётом, уже в аэропорту, как и в день своего прибытия в Кроумсхелл, Бергсон вновь устроил краткую пресс-конференцию. За те две недели, что он работал в городе, профессор слегка осунулся, усталость явственно читалась на его лице, но глаза его смотрели всё с той же жизнерадостной уверенностью, как и тогда, когда он впервые предстал перед журналистами.

Профессор сказал, что он удовлетворён проделанной работой и благодарит всех, кто так или иначе старался помочь комиссии, что огромное количество собранных фактов позволяет надеяться: истинные причины катастрофы будут раскрыты.

— Теперь, — сказал Бергсон, — предстоит скрупулёзный анализ собранного материала, предстоит долгая и нелёгкая работа, но я убеждён, она не окажется безрезультатной...

Это были последние слова, которые произнёс Бергсон перед тем, как ступить на трап самолёта. На другой день именно эти слова местная газета вынесла в заголовок отчёта о пресс-конференции на первой полосе.

Комиссия улетела, будничная жизнь, казалось, снова постепенно возвращалась в город, однако разговоры обо всём, что произошло, споры, предположения, одно порой нелепее другого, продолжали будоражить город. Время шло, но никаких сообщений о выводах комиссии не появлялось, иные события сотрясали мир.

Постепенно страна забыла о существовании маленького городка где-то далеко на юге и о трагедии, пережитой им. И потому, когда спустя ещё три месяца в одной из столичных газет среди различного рода хроники появилась маленькая заметка, набранная петитом, на неё мало кто обратил внимание, кроме, пожалуй, самих жителей Кроумсхелла.

«Как стало известно, — говорил в этой заметке, — профессор Бергсон признал, что его комиссии, несмотря на длительное изучение собранных материалов, так и не удалось установить подлинных, достаточно правдоподобных причин катастрофы, постигшей Кроумсхелл. По всей вероятности, эта трагедия так и останется одной из тех загадок, которые, подобно загадке Бермудского треугольника или неизвестной «болезни легионеров», волнуют наше воображение, но до сих пор не получили убедительного научного объяснения. «Если бы на Земле не осталось тайн, нам, наверное, было бы скучно жить», — заявил профессор Бергсон со свойственным ему юмором».

Разумеется, заметка эта вызвала разочарование у многих жителей Кроумсхелла. Но странное дело — к этому разочарованию примешивалось и чувство гордости: теперь их городок, ничем не прославившийся за долгие годы своего существования, тоже имеет свою тайну, свою загадку. Загадку, которую, возможно, когда-нибудь назовут одной из самых удивительных загадок двадцатого века...

* * *

— Вы неплохо поработали, Бергсон. Я познакомился с вашим докладом.

Генерал (впрочем, он и сейчас, как обычно, был в штатском костюме) похлопал ладонью по лежавшей перед ним папке.

— Вы ведь знаете, какое значение придавал наш отдел этой операции. Теперь, надеюсь, ни у кого не останется сомнений, насколько мы были правы, настаивая на подобных испытаниях. Да, да, их надо было проводить именно так, в естественных, реальных условиях. Честное слово, небольшой переполох в этом городишке стоит тех результатов, которые мы получили. Я благодарю вас, Бергсон.

— Я рад, что моя работа пригодилась, — сказал профессор. — Действительно, экспериментальный материал, полученный нами в Кроумсхелле, поистине неоценим. Но, к сожалению, сегодня это не всё, что я хотел бы сообщить вам. У меня есть и менее приятные известия. Вот, взгляните, это — информация агентства Ассошиейтед Пресс...

Генерал взял листок, протянутый Бергсоном, и, надев очки, быстро пробежал глазами текст:

«На проходящей в Женеве конференции «Врачи — за будущее Земли» советский академик Коростылёв привлёк внимание участников конференции к загадочной трагедии, недавно постигшей жителей Кроумсхелла. «Если внимательно проанализировать ряд сообщений, просочившихся в печать, — сказал учёный, — то нельзя не прийти к выводу, что разыгравшаяся там драма скорее всего является результатом мощного воздействия целенаправленного излучения. Сейчас трудно судить, было ли это заранее запланированным испытанием нового оружия — оружия массового психического поражения — или результатом непредвиденной аварии аппаратуры, расположенной на военной базе в горах возле Кроумсхелла; но так или иначе — это событие, которое может иметь далеко идущие трагические последствия». Академик Коростылёв призвал мировую общественность настаивать на немедленном запрете Организацией Объединённых Наций каких-либо работ или испытаний, направленных на создание оружия массового психического воздействия. Создание такого оружия он назвал современным варварством».

— Да, — произнёс генерал после небольшой паузы, — это действительно малоприятно. Представляю, какой шум сейчас поднимут все эти миротворцы! Впрочем, знаете, Бергсон, это уже не наша с вами забота. Пусть-ка теперь поработают дипломаты. А мы своё дело сделали. Мы сделали своё дело, Бергсон!

Альберто Серрету 37 лет. Родился он в городе-побратиме Ленинграда — Сантьяго-де-Куба. По образованию Альберто Серрет — инженер, но по призванию — поэт. И именно как поэта знает его вся Куба — и взрослые люди, и дети. Не раз получал он за свои книги национальные премии. И вот что замечательно: литературную премию Кубы 1978 года Альберто Серрет передал в фонд XI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, который проходил в то время в Гаване.

Альберто СЕРРЕТ

Рис. О. Филипенко

«Над широким щедрым полем...»

КАНАРЕЙКА

Хлопотливая флейтистка,
золотистая спираль,
сельвы солнечной солистка,
растревоженный хрусталь!

Скачешь по кустам вприсвистку
в вихре трелей и рулад,
петь тебе легко и люблю
с шестиструнной пальмой в лад,
и напевы милой Кубы
в горлышке твоём звенят.

СОРОКОНОЖКА

Кто тебе так ловко сшил
сорок туфельек нарядных?

Не случилось ли тебе
ненароком впасть в оплошку —
утром встать не с той ноги,
дать самой себе подножку?

И когда ты по травинкам
бродишь, словно по тропинкам,
там, где виден след звезды, —
где, скажи, твои следы?

ТРАКТОР И ВОЛ

Над широким щедрым полем
треск и гром стоит,
трактор, словно зверь весёлый,
радостно рычит.

А с дороги, удивлённо
глядя на него,
не спеша бредёт к заводу
утомлённый вол.

На спине его поклажа —
солнечный овёс
и зелёные бананы,
и в мешках — кокос.

Вспоминая, как, бывало,
сам по пашне шёл,
смотрит ласково и грустно
на машину вол.

Человек, идущий рядом,
видит этот взгляд
и животное ладонью
гладит, словно брат.

Борозду закончил трактор,
снова вдаль спешит
и, как будто зверь весёлый,
радостно рычит.

ЛУННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В золотой литой карете
катит по небу луна.
То накинёт, то откинёт
шаль туманную она.

А везёт её карету
очень грустная звезда.
(Все другие звёзды — светят,
только эта — никогда.)

И, за край земли заехав,
из кареты в воздух синий
отдохнуть луна выходит,
распуская хвост павлиний.

И в обратный путь, вздыхая,
собирается луна.
Завтра ровно в то же время
к нам воротится она.

Перевела с испанского
М. КВЯТКОВСКАЯ

Сегодня в рубрике «Наш литературный календарь» речь, как всегда, пойдёт о юбилее — о дне рождения. Но мы будем говорить не о писателе и не о поэте. Сегодня мы вам расскажем о дне рождения книги, которая вошла в золотой фонд мировой литературы для детей и которая называется «Приключения Алисы в Стране Чудес».

Книжка эта, конечно, известна вам — вы читали её в русском переводе. И не только вы, но и ваши родители, даже ваши дедушки и бабушки могли её читать в дни своего детства, потому что 15 июля этого года книжке об Алисе исполнилось 120 лет. За более чем вековую жизнь с ней успели познакомиться и французские, и немецкие, и африканские, и японские

дети — она была переведена на сорок различных языков!
С днём рождения, «Алиса»!

Галина УСОВА

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ «АЛИСЫ»

Льюис Кэрролл в пожилом возрасте

Прежде всего следует рассказать об авторе «Алисы».

Станным он был человеком. В 47 лет он носил строгую сутану священника и преподавал математику в одном из самых старинных и благопристойных английских университетов — в Оксфорде. Когда он шёл по мощёным улицам среди древних величественных зданий, высоких, прямых. Безукоризненно одетый, — никто из его знакомых не смог бы предположить, что это — детский писатель, автор озорной книжки. Чарльз Лютвидж Доджсон (так его звали по-настоящему) отли-

чался крайней застенчивостью, сильно заикался, а потому избегал общения с людьми без особой к тому необходимости. Со студентами своими Доджсон помимо занятий не общался: он их не любил и считал лентяями. Мало кто подозревал, что под строгой маской необщительного педанта прячется совсем другой человек — шутник и насмешник, с увлечением отдающийся бесхитростным детским играм, всерьёз друживший с маленькими детьми, понимавший их, как никто другой. Он даже заикаться переставал, когда с ними разговаривал.

Дело в том, что Чарльз Лютвидж Доджсон вырос в большой шумной семье — он был старшим среди семи сестёр и четырёх братьев. Семья была весёлая, дружная. Чарльз был главным заводилой в играх и развлечениях. Чаще всего играли в железную дорогу (не забудьте, что железная дорога была тогда новинкой техники!) и в кукольный театр, который Чарльз смастерил сам. А главное — он был редактором и почти единственным автором семейных рукописных журналов. Вот где кроются корни его любви к весёлым детским книжкам и к возне с детьми!

Когда Чарльз Доджсон вырос и окончил Оксфорд, ему предложили остаться в университете преподавать, но при условии, что он примет сан

Автопортрет с детьми.
Усадив детей, Кэрролл подсел к группе, а объектив открыл его помощник.

священника и даст обет безбрачия. Таким образом, он, выросший среди многочисленных братьев и сестёр, оказался лишённым возможности завести собственную семью. Именно поэтому он так полюбил заниматься с чужими детьми, играть с ними, придумывать им сказки.

А ещё Чарльз Доджсон был владельцем громоздкого фотоаппарата на неуклюжей деревянной треноге (не забудьте, что это было тоже технической новинкой в те годы). Тогдашние фотографии работали не с плёнкой, которая поместится в любом кармане, а с тяжёлыми стеклянными пластинками, требовавшими и от фотографа, и от объекта съёмки долготерпения и выдержки. Тем не менее, Чарльз Доджсон сумел прославиться как искусный фотограф, а в съёмке детей во всей Европе не было ему равных.

А теперь — как появилась книга.

Случилось так, что среди юных друзей Чарльза Доджсона появились дети университетского декана Лидделла: мальчик Генри и три его сестры, среднюю из них звали Алиса. И вот три сестры Лидделл совершили 4 июня 1862 года с Доджсоном чудесную прогулку на лодке по реке. Они высадились на великолепной зелёной лужайке и устроили чаепитие в тени стога сена. Алиса попросила:

— Мистер Доджсон, расскажите, пожалуйста, сказку!

Он охотно выполнил просьбу сво-

ей любимицы, сделав героиней сказки девочку по имени Алиса. На обратном пути Доджсон, к великому восторгу своих слушательниц, продолжал сочинять историю о странных и необычных приключениях. А вечером, когда он провожал девочек домой, Алиса попросила:

— Мистер Доджсон, перепишите для меня эту чудесную сказку!

И он переписал своим каллиграфическим почерком сказку в тетрадь и украсил её весёлыми рисунками, а на последней странице наклеил фотографию Алисы Лидделл.

Тетрадка долго лежала на століке в гостиной семьи Лидделлов, и гости с удовольствием читали сказку, пока кто-то не предложил напечатать её в издательстве, чтобы приключениями Алисы могли восхищаться многие дети. И вот 15 июля 1865 года Льюис Кэрролл (этим псевдонимом Доджсону и раньше случалось подписывать смешные стихи и пародии, которые он помещал в журналах и газетах) в издательстве Макмиллана получил первые пятьдесят книжек «Приключений Алисы в Стране Чудес», которые он раздал своим маленьким друзьям.

Книгу иллюстрировал художник Теннилл — теперь эти картинки знает весь мир, они повторяются во всех изданиях и во всех странах. Но картинки-то перепечатать можно, они без перевода понятны детям любой национальности, а вот когда пришлось переводить на другие

her childhood, and how she would gather
her other little children, and make their eyes
bright and eager with many a wonderful tale
perhaps even with these very adventures, of
the little Alice, of long ago, and how she
would feel with all their simple sorrows, and
find a pleasure in all their simple joys,
remembering her own child-life, and the
happy summer days.

Последняя страница рукописи с фотографией девочки Алисы, по просьбе которой и была написана сказка.

языки текст, то встретились невероятные трудности. Это заметил и сам автор: он сам готовил первые французские и немецкие издания «Алисы», он сам искал переводчиков, говоря, что хочет подарить свою сказку не только маленьким англичанам, но и детям из других стран, потому что у них тоже мало интересных детских книг.

Дело в том, что вся «Алиса» состоит из шуток, каламбуров и словесной игры, которые на других языках звучат совершенно по-иному, а иногда и вовсе пропадают. Значит, переводчик должен выдумывать совсем другие шутки и играть совершенно другими словами, находить иные созвучия. Приведу один пример, чтобы было понятно. В английском тексте сказки Мышь говорит, что история у неё длинная. «История» по-английски — «tale», но точно так же звучит и слово «tail» — (хвост), и Алиса понимает Мышь неправильно. «Да, хвост у вас длинный», — соглашается она. Что делать переводчику? Один из них, А. Щербаков, придумал такую замену: Мышь обещает исполнить короткую **КАНЦОНЕТТУ**, а Алиса возражает: «Если у неё **КОНЦА НЕТУ**, значит, она длинная». Такие «ребусы» для переводчика встреча-

ются в этой книге на каждой странице, да ещё и по нескольку. Сегодня у нас на русском языке существует по крайней мере девять разных переводов, и каждый из них по-своему решает трудные языковые «шарады» и «ребусы». Первый русский перевод книжки о приключениях Алисы вышел ещё в 1879 году без обозначения имени переводчика, а лучшими можно считать появившиеся в советское время переводы Б. Заходера и А. Щербакова.

А теперь я расскажу, как мне самой довелось познакомиться с этой прекрасной книжкой и какую роль она сыграла в моей жизни.

Шла война. Мне было одиннадцать лет. Наша семья была эвакуирована из блокадного Ленинграда в Пермь. Отец остался в Ленинграде: он работал главным инженером Ленэнерго. В 1943 году за заслуги в управлении энергетическими ресурсами осаждённого города он был награждён орденом Трудового Красного Знамени и вылетел в Москву, чтобы получить награду. После этого ему дали двухдневный отпуск — повидаться с семьёй. В светлом полупубке военного образца, в краснозвёздной ушанке отец неожиданно появился в нашей неблагоустроенной комнатухе, озарив её радостью встречи, — мы не виделись полтора года.

Он привёз мне подарок: небольшую книжечку в красном переплёте; в центре, в изящном круглом медальоне изображена была девочка, а на руках у неё — маленький ребёнок... Впрочем, если присмотреться, это был не ребёнок вовсе, а поросёнок с пятачком и острыми ушами, но был он, точно человек, закутан в одеяло. Книжка была на английском языке, так что я не могла её прочесть, но мне понравились забавные картинки. Я принялась их рассматривать, а отец рассказывал мне, как блокадными вечерами, улучив после тяжёлого дня полчаса, он сидел в своём служебном кабинете на Марсовом поле и изучал английский по «Рождественским рассказам» Диккенса и по этой

маленькой книжечке, которую он привёз мне,— по сказке Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес». Она написана таким ясным, кристально прозрачным языком, что изучать по ней английский язык — легко и полезно.

За два дня папа, заучивая со мной некоторые английские слова, прочёл и перевёл мне более половины книжки. По этим первым в моей жизни урокам я почувствовала изящество и выразительность английского языка, его поразительную способность передавать тонкий, яркий, неповторимый юмор. С большим интересом следила я за необыкновенными приключениями девочки Алисы, за встречами с Белым Кроликом, за столкновениями с экстравагантной герцогиней, за её странными разговорами с Мартовским Зайцем и Шляпочником. Но чем же всё кончится? Увидит ли Алиса прекрасный сад, к которому она так стремится?.. Отпуск кончился, отец улетел в Ленинград — ещё предстояло изыскивать и копить энергетические ресурсы для решающего удара, чтобы отбросить фашистов от города. Книжку в красном переплёте он мне оставил. Но что толку было в ней без папы-переводчика?

— Что же там дальше? — грустно спросила я, прощаясь с отцом.

— Дальше? А дальше всё будет хорошо. Разгромим фашистов, кончится война. Ты вернёшься в Ленинград, выучишь английский и дочитаешь книжку сама!

Всё сбылось. Фашистов разгромили, мы вернулись домой. И я так увлеклась английским, что прочла не только «Алису», но и много других книг на этом языке, изучила его как следует и стала переводить стихи английских поэтов. Так встреча с «Алисой» решила мою судьбу.

Сказка об Алисе удивительна ещё одним. Мы знаем множество случаев, когда писатели создавали книги для взрослых, а они становились любимыми книгами детей. Это — «Робинзон Крузо», «Гулливер», «Три мушкетёра»... С «Алисой» — случилось обратное: Льюис Кэрролл сочинял эту сказку для детей, а ею всерьёз начали увлекаться взрослые! Почему? Ребёнок с увлечением следит за приключениями, с нетерпением ожидает, что случится дальше, а взрослый за внешними событиями, знакомыми ему с детства, замечает более глубокие слои внутреннего смысла, за персонажами сказки видит символические фигуры, в каждой весёлой остроте находит глубокий смысл и жизненную мудрость.

Вот почему эта книжка никогда не забудется и не устареет. Вот почему она не перестаёт быть любимым чтением в любом поколении и во всяком возрасте. И во многих семьях эта тоненькая книжка занимает почётное место в домашней библиотеке, на каком бы языке она ни была — на русском, английском, китайском, венгерском или на суахили.

цифры и факты

I Всемирный фестиваль молодёжи и студентов должен был состояться в Париже, но буржуазное правительство Франции усмотрело в фестивале угрозу политике «холодной войны» и отказалось пустить в страну участников фестиваля. Фестиваль был перенесён в Прагу.

I Всемирный фестиваль молодёжи и студентов был открыт в Праге 25 июля 1947 года. На открытии присутствовало 150 тысяч зарубежных делегатов и жителей Праги. Большинство участников фестиваля восстанавливали разрушенные города и сёла Чехословакии, Болгарии, Польши, Югославии... В дни фестиваля молодые люди тремя группами выезжали на место чешской деревни Лидице, стёртой фашистами с лица земли, чтобы помочь отстроить её, вернуть к жизни.

Лошадь Гиппопотам

Гвинейская сказка

БЫЛО ЭТО ДАВНЫМ-ДАВНО. Звери тогда умели разговаривать, ну совсем как люди, и часто приходили к льву — царю зверей — кто с жалобой, кто за советом, а кто и просто так, в гости.

И вот однажды отправилась к царю зверей лошадь — рассказать о своём житье-бытье, показать что она умеет делать.

Прошла лошадь сквозь джунгли. Проскакала саванну. И вышла к широкой-преширокой реке — эту реку повсюду называют Нигер, а в Гвинее её зовут Джолиба. Но в те далёкие времена лошадь ещё не умела плавать — она просто перепрыгивала ручьи и небольшие речки, но такую широкую реку она перепрыгнуть не могла. «Как же перебраться мне на тот берег?»

— О чём ты задумалась, лошадь? — вдруг услышала она чей-то голос. — Не могу ли я тебе помочь?

Глянула лошадь на реку и увидела у самого берега гиппопотама. Он был большой и добродушный... И был у гиппопотама длинный красивый хвост.

А надо сказать, что в те далёкие времена хвоста у лошади не было, и мухи и комары очень ей досаждали.

— Я иду к царю зверей, — сказала лошадь. — Но вот на тот берег не могу перебраться — плавать не умею.

— Что за беда! — воскликнул добрый гиппопотам. — Садись на меня, я тебя мигом перевезу.

Взобралась лошадь на гиппопотама, и они поплыли. А пока плавали, лошадь всё смотрела и смотрела на его хвост. Наконец она не выдержала и сказала:

— Послушай, друг гиппопотам, не одолжишь ли ты мне свой прекрасный хвост? Я схожу с ним к царю зверей, а на обратном пути верну его тебе в целости и сохранности.

— Ну что ж, — ответил гиппопотам, — бери...

Через несколько дней лошадь действительно вновь появилась у реки.

— Ну как? — спросил её гиппопотам. — Побывала ты у царя зверей?

— О да! — ответила лошадь. — И твой хвост всем очень понравился.

— Я очень рад, — сказал гиппопотам. — Теперь отдай его мне.

— Конечно, конечно, — успокоила его лошадь. — Я отдам его тебе! Вот только пусть мы переплывём реку.

— Ладно, — согласился гиппопотам.

Но когда он перевёз лошадь на другой берег, она весело махнула ему хвостом — и ускакала. Только её и видели.

Гиппопотам так и застыл на месте, раскрыв от удивления свою огромную пасть.

Обманутый, пошёл он к царю зверей с жалобой на лошадь. Но что мог ему посоветовать лев? Только одно — догнать лошадь и отобрать у неё хвост. Но ведь, как известно, хорошую лошадь даже и ветер не догонит...

Так и остался гиппопотам бесхвостым.

Много времени прошло с тех пор.

Лошадь уже давно научилась плавать. А вот гиппопотам не соглашается больше перевозить зверей через реку. Да и вообще старается как можно реже показываться на поверхности воды...

*Перевёл с французского
и пересказал для детей
В. Андреев.*

Рис. Ю. Бочкарёва

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

СТОЛЬКО И СВЕРХ СТОЛЬКО

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРЁХ ЗОЛОТЫХ

Мы с тобой оставили нестареющего Мальчика на рынке товаров — он совершил торг и радостный прибежал к Хозяину. А Хозяин по обыкновению считал деньги.

— Продал? — не оборачиваясь, спросил он.

— Ещё бы! — хмыкнул довольный собой Мальчик.

— За сколько?

— Всё по стоимости, хозяин! Мальчик взял уголёк и начал писать на верстаке.

(Имейте в виду: отчитываясь перед Хозяином, Мальчик излагает решение задачи, которая была задана читателям в пятом рассказе об экономике.)

Мальчик написал:

$$6+3+1=10$$

— В сапогах, — сказал Мальчик, — 6 дней моего труда, 3 дня труда кожевника, 1 день — мясника. Всего 10 обедов, или 5 золотых.

— Правильно, — согласился Хозяин. — Давай скорее эти пять

золотых — видишь, я как раз деньги считаю.

Мальчик оторопел.

— Какие пять золотых? У меня получилось только шесть обедов, да и те стоимостью в три золотых.

— Караул! Обманул! Разорил! Ограбил! — закричал Хозяин.

Уж на что был смышлён Мальчик, но всё же оглянулся, чтобы увидеть злодея, на которого так гневался обиженный капиталист. И, конечно, напрасно.

Оказалось — виной всему он сам.

— Ты потратил мои деньги на свои обеды?!

— Не брал я у вас деньги, хозяин, — оправдывался Мальчик, — не брал и не тратил...

— Но я-то свои деньги потратил! На мастерскую! На инструмент! На кожу! И это всё ради того, чтобы тебя накормить?

— Но, хозяин, — пробовал возразить Мальчик, — не мог я продать сапоги дороже. В их стоимости — стоимость кожи, шкуры, моего труда и всё это вместе — 10 обедов, 5 золотых, из которых нам с вами остаётся 6 обедов — 3 золотых. Ведь правда?

— Правда-то правда, но посуды сам: зачем же мне нужно было затевать производство — покупать кожу и дратву, чинить крышу сарая, платить за шесть обедов — три золотых в неделю тебе? Где вознаграждение для меня? Что мне толку от вашей стоимости — прибавьте и мне к ней что-нибудь. Пусть будет прибавочная стоимость. Понял?

— А где её взять? — удивился Мальчик.

— Как где? Как вообще создаётся любая стоимость? Разве ты не знаешь? Трудом! Только упорным трудом!

Мальчик не стал спрашивать, чьим трудом. Это и так было ясно. Его смущало другое.

— Хозяин, но я же много и хорошо трудился!

— Значит — надо ещё больше! Разве ты сегодня продавал

на рынке свой товар? Мой товар!

— Но ведь сапоги сделал я! — обиделся Мальчик.

— Ну и что? Ты на рынке понял, что в этих сапогах есть труд кожевника и труд мясника? Но есть в них ещё и труд кузнеца, сделавшего молоток и клещи, и плотника, сколотившего сарай и верстак. Так вот, труд кузнеца и плотника оплатил я. Ещё до того, как посадил к верстаку тебя. И если бы я этого не сделал, тебе не к чему было бы свой труд приложить. Верно? Так что товар, сделанный в моей мастерской, — мой товар. А чем ещё ты можешь торговать?

— Выходит — ничем. У меня самого ничего нет, хозяин, — грустно признался Мальчик.

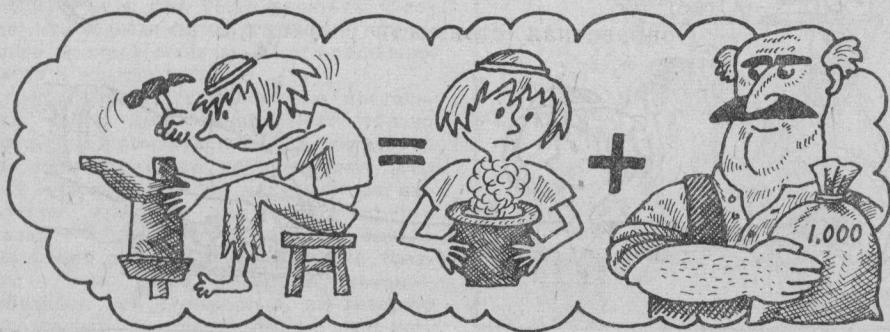
— А вот и неправда, — опять стал добрым Хозяин. — Смотри — руки-ноги у тебя есть? Голова на месте? Вот и торгуй.

— Чего? Вы мои руки-ноги купите?

— Да ты что?! — возмутился Хозяин. — Я что — людоед? Я про твою способность к труду говорю. Это твой товар для продажи. И ты его продаёшь...

— Погодите — продаёшь! — всполошился Мальчик. — Я же должен прежде стоимость узнать.

— А зачем узнавать? Раз ты согласен работать за харчи, значит, и стоимость твоего недельного труда равна шести обедам, или трём золотым. За эти деньги я её и куплю. Она для меня теперь будет рабочей силой.

Коль я её купил и пользуюсь, то должен тебе выложить три золотых в неделю, чтоб ты не ослабел — мог трудиться.

— Ну и всё, и в расчёте! Мой товар — ваши деньги, всё по стоимости...

— Нет, погоди! Я, купив у тебя способность к труду, тут же продаю тебе — вернее, сначала даю в долг — возможность трудиться. Ну, средства производства, одним словом: кожу, драгину, верстак, место в сарае... Это в стоимость рабочей силы не входит. Но я-то на это тратился, и ты этим пользуешься! Так что — за тобой должок! — И Хозяин

торжествующе посмотрел на Мальчика.

— Да где ж я возьму?! — опечалился тот.

— Я же говорил — надо трудиться больше! Сделаешь мне на будущей неделе не одну, а две пары сапог.

— Это ж от зари до зари за верстаком сидеть, не разгибаясь!

— А что делать? — сокрушённо заметил Хозяин. — И уверяю тебя, мне от этого достанутся только крохи — маленькая прибавочная стоимость.

Он взял уголёк и, как недавно Мальчик, произвёл подсчёт прямо на верстаке...

ЗАДАЧА ОТКУДА БЕРУТСЯ КРОХИ ДЛЯ КАПИТАЛИСТА?

Дано:

Стоимость 1 пары сапог на рынке — 5 золотых.

Стоимость рабочей силы 1 работника за 1 неделю — 3 золотых. Спрашивается:

Какую прибавочную стоимость может принести хозяину Мальчик, если сделает за неделю 2 пары сапог?

Решение:

1) Сколько стоят на рынке 2 пары сапог?
 $5 \text{ з.} \times 2 = 10 \text{ з.}$

2) Во что обойдётся производство 2-х пар сапог хозяину?

Стоимость 2 шкур = $1/2 \text{ з.} \times 2 = 1 \text{ з.}$

Стоимость 2 кож = $1\frac{1}{2} \text{ з.} \times 2 = 3 \text{ з.}$

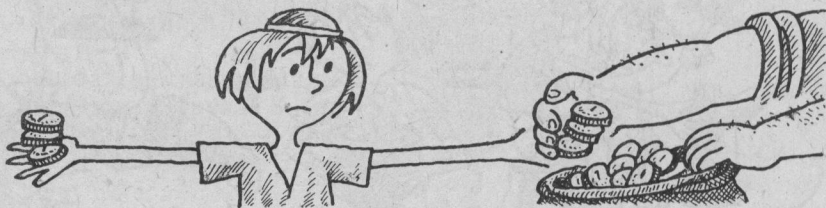
Стоимость рабочей силы = 3 з.

Итого: $1 \text{ з.} + 3 \text{ з.} + 3 \text{ з.} = 7 \text{ з.}$

3) Какова прибавочная стоимость?
 $10 \text{ з.} - 7 \text{ з.} = 3 \text{ з.}$

Ответ:

Прибавочная стоимость составит 3 золотых.

— Вот видишь, — сказал Хозяин, закончив подсчёт, — всего-то 3 золотых! Это при моих-то расходах!

А Мальчик задумался... Что же получается, размышлял он, оттого, что я буду работать вдвое больше, я лучше жить не стану. Зато хозяин получит столько же, сколько мне достанется при изнурительном труде. Хороша справедливость! Да это же... эксплуатация!

ЭКСПЛУАТАЦИЯ

В принципе, ничего плохого в этом слове нет. Означает оно — «использование, извлечение выгоды»...

Вот построили новый дом, завод, мост — говорят: «Сдан в эксплуатацию». И по этому поводу — целый праздник... Или табличка на стене: «Жилищно-эксплуатационный участок». Здесь работают люди, которые заботятся о том, чтобы уютно и тепло было в наших домах, чисто во дворах и на улицах. Также хорошо.

Но всё-таки слово это режет слух, напоминая об угнетении и обмане, построенном на эксплуатации человека человеком. Выражается это в том, что собственник задаром присваивает себе прибавочный (а порой и не только прибавочный) Продукт труда Человека Производящего.

Рабовладелец присваивал потому, что ему полностью принадлежали и средства производства, и сам работник (раб!) — не с кем было делиться. Феодал присваивал потому, что ему полностью принадлежала земля и крестьянин (хотя и не полностью).

У Капиталиста положение несколько иное. Ему принадлежат только средства производства. Всё остальное он покупает, даже рабочую силу (без неё производство не наладить) он вынужден покупать, как любой другой товар — причём не навсегда, а только на время работы. И если любые товары — кожа, сукно, токарный станок — обладают той стоимостью, за которую Капиталист их приобрёл, то рабочая

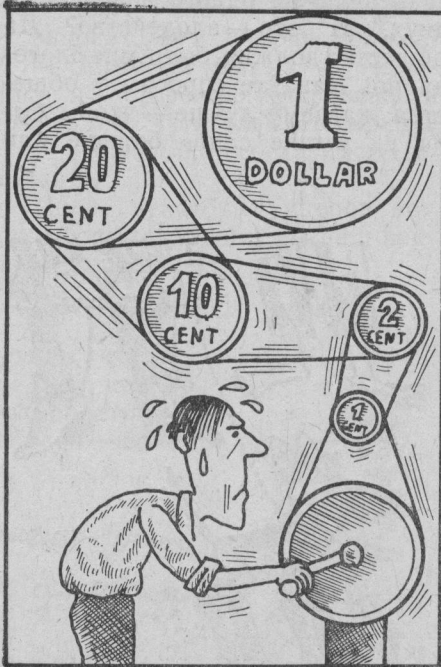
сила — товар исключительно выгодный. Надо только уметь его использовать, одним словом — эксплуатировать рабочую силу. Эксплуатация у Капиталиста — единственный источник дохода.

Вот сравнение.

Маслодел приобретает много молока, но исключительно ради его верха — сливок. Только из них он получает масло, а в цельном, только что надоевшем молоке они неразличимы. И коль приобрёл маслодел молоко, он уж позаботится о том, чтобы сепаратор крутился на полную катушку, его дело — получить из этого молока масло, и естественно, его не волнует, что чем больше он выжмет из молока сливок, тем меньше останется пахты для творога и сыра. Это — проблемы сыродела.

Так же бывает и у Капиталиста. Стоимость — бела и однородна, как молоко, прибавочная стоимость — сливки на молоке. Но Капиталист знает, что выделит из неё сливки прибавочной стоимости, если хорошо раскрутит ручку сепаратора — эксплуатации. Он получит своё масло. И чем больше получит, тем меньше достанется тому, кому не до жиру, кто должен довольствоваться пахтой.

Оправдания у Капиталиста всегда под рукой. «Ведь это я тратился на средства производства. И на рабочую силу — тоже я...» Верно. Но и средства производства, и рабочую силу он купал по стоимости, Товар же продал по возросшей стоимости. А за прибавочную он не платил. Она вся — его. Он этой разницей живёт.

КОМУ НАДО БОЛЬШЕ?

Вот, стало быть, какая несправедливая ситуация сложилась в сапожной мастерской, куда мы привели Мальчика ради избавления его от феодальной зависимости. Привели, кстати, по подсказке Николая Экономова. Теперь он, неугомонный искатель справедливости, сидит со мной рядом и в нетерпении ёрзает на стуле. Но подсказать что-либо не решается, боясь опять попасть пальцем в небо.

Я понимаю, мне и самому хочется обличить бессовестного Капиталиста или хотя бы пристыдить. Добро бы только мне да Экономову. Так ведь любой из читателей готов бросить обвинение зарвавшемуся дармоеду. Ну что — рука к перу, перо к бумаге — осудим? Однако свою правоту надо ещё и суметь доказать.

— Это я-то дармоед? — возмутится Капиталист. — А что я такого сделал? Заставил Мальчика сшить за неделю две пары сапог вместо одной. То есть позаботился, чтобы один сапожник обувал за неделю не одного человека, а двух. И это — злодейство? Да общество должно быть мне благодарно! Давайте спросим у общества: как ему лучше — чтобы было на рынке сапог больше или

чтобы меньше? Спросим или и так ясно? Между прочим, если мои мальчики-сапожники вдруг сделают лишние сапоги — так у меня их никто и покупать не будет, а я, натурально, прогорю. И несмотря на такую серьёзную угрозу, я — оцените! — всё же стараюсь, чтобы мальчики делали сапог больше. Да я им ещё и машину, когда её изобретут, куплю, чтобы каждый мальчик не вдвое, а в пять, в десять раз больше давал продукции. И что вы думаете? Общество мне будет только благодарно. Чем больше сапог, тем они дешевле. Я — смотрите — вообще двигаю технический прогресс. А вы — «дармоед»! Смешно, право. Нет, обидно даже.

Серьёзный удар по нашим позициям, ничего не скажешь.

А мы что, не знали, что Капиталист — хитрюга и демагог? Нам есть что возразить. Пусть не шибко изображает из себя благодетеля. Он заставляет Мальчика вдвое больше надрываться на работе не для того, чтобы облагодетельствовать общество, а чтобы увеличить свою прибыль.

— Какая разница? — не смолчит Капиталист. — Люди-то носят на ногах не мою прибыль, а проданные мной сапоги. Неужели им было бы лучше ходить босиком или в неудобных деревяхках — лишь бы мне прибыли не принести?! А так — и я сыт, и они обуты. Между прочим, и Мальчик не помирает с голоду исключительно благодаря этому.

Ну уж нет! Мальчик был бы сыт, сделав и одну пару сапог, — мы же помним!

Тут Капиталист вообще зайдётся смехом:

— Вы промахнулись дважды! Во-первых, не сделает он и одной пары сапог без меня — средств-то производства у него самого нет! А во-вторых, если он будет сыт с одной парой сапог, то больше одной он и делать не станет! Такие сапожники никогда не смогут обеспечить наше общество

сапогами. Зачем им повышать производительность труда — они же и так сыты! И машины таким сытым мальчикам не нужны — с машинами стоимость пары сапог понизится, да и тратиться на машину надо, а мальчики — что за неделю ни сделают, то и проедают. Стало быть, что? Стало быть, вы — враги прогресса, если хотите, чтобы Мальчик делал не больше одной пары сапог в неделю. Стимул делать больше есть только у меня. Потому что я получаю от этого прибавочную стоимость. Но получая её, я ведь и Продукта обществу даю больше... А кстати! Ведь и вы в своём социалистическом обществе хотите, чтобы ваши рабочие давали больше Продукта. Чем же вы лучше меня?

Ну вот наконец он и попался.

Цель капиталистического производства — получить больше прибыли. Цель социалистического производства — полнее удовлетворить потребности людей. Мы хотим получить больше Продукта. Но мы не хотим, чтоб наш рабочий трудился от зари до зари. Какое же это удовлетворение потребностей, если кроме станка он ничего видеть не будет — ни детей, ни книг, ни театра? А Капиталисту на это как раз наплевать. Пока мог, он устанавливал 18-часовой рабочий день, теперь, когда рабочие организованы, он и за 8-часовой рабочий день максимально выжмет из них силы. Хоть условия и изме-

нились, цель прежняя — от рабочего ему нужна только прибыль.

— Ладно-ладно, — усмехнётся Капиталист, — ещё неизвестно, кто попался. Вот вы своего рабочего жалеете, а я своего не буду — значит, всегда в моём обществе Продукта будет больше, чем в вашем.

Что сказать? Самонадеянность Капиталиста — не новость. Однако он опять неправ. Во-первых, в нашем обществе все трудятся, нет никого, кто на законном основании живёт чужим трудом. Значит, нас, работающих, больше. А во-вторых...

— А во-вторых и в-третьих, — вмешался, не выдержав, Экономов, — можно, я скажу?..

Я разрешил.

Экономов сказал:

— С Капиталистом, я думаю, вы разберётесь сами, без моей помощи. Я очень беспокоюсь за нестареющего Мальчика, ведь по моей вине это всё с ним случилось.

— Может быть, не только по твоей. Ведь есть законы экономики.

— Нет, — сказал Экономов. — Я виноват, я и помочь должен.

— А может быть, — предложил я осторожно, — пригласить помочь тебе читателей «Искорки»?

— Пожалуй, — согласился Николай.

После некоторых споров вот как сформулировали мы наш вопрос к читателям.

Итак, мы допустили, что нестареющий Мальчик знал, что его собираются эксплуатировать. Но ведь он теперь свободен — волен уйти от Хозяина.

*Как ты думаешь — ушёл ли он?
Если да — как сложится его судьба?
Если нет — то почему?*

Валерий
Воскобойников

ПОЗНАНИЕ

ПРЕДАТЕЛИ

повесть-баллада

Джалилия арестовали за четыре дня до назначенного в лагере легионеров восстания.

Уже всё было решено на коротком совете. Одна группа уничтожала фашистов. Другая — захватывала пушки. Третья — пресекала связь. Одновременно восставал и соседний лагерь. Восставшие соединились с пленными, работавшими на военных заводах, шли к партизанам-полякам, а потом делали марш навстречу советскому фронту.

Джалилия арестовали первым, незаметно для всех. Остальных заманили в столовую и взяли там.

Берлинских подпольщиков подстерегали в те минуты, когда они записывали советские радиопередачи.

Фашистам давно попадались листовки и чьи-то огненные стихи, призывающие к борьбе. Сначала они недоумевали: чтобы люди, вышедшие из лагеря и вновь вкусившие вольную жизнь, сознательно шли дорогой, которая кончалась расстрелом! Это было непостижимо.

Они засылали провокаторов, но те не смогли проникнуть в подпольную сеть.

И лишь за четыре дня до восстания один из подпольщиков, че-

ловек простодушный, доверился провокатору.

Джалилия в тюремном дворе избивали ногами на глазах друзей.

Андре Тиммерманс, бельгийский парень, работал в мелкой конторе клерком. Он был застенчив и тих, и таким бы, наверное, остался в памяти многих, если б в страну не пришли фашисты. По заданию Сопротивления он стал составлять списки предателей. Тех, кто активно помогал фашистам. На каждого он заводил отдельный листок и записывал его преступления. Его картотека позднее помогла патриотам разыскать тех, кто пытался укрыться от суда народа.

Но Тиммерманс был арестован и, пройдя несколько тюрем, оказался в Берлине в политической тюрьме Моабит.

В камере, куда поместили Тиммерманса, были уже двое. Поляк, уроженец Силезии, с утра его вводили работать на кухню и приводили лишь вечером. И, видимо, — русский, советский.

Несколько дней они пробыли рядом друг с другом в камере молча. Тиммерманс опасался — а вдруг вместе с ним провокатор. А русский честно потом признался,

Окончание. Начало в «Искорке» № 5, 6.

что подозревал Тиммерманса в том же.

Их кормили убогой пищей. Утром приносили бурду под названием «кофе». Днём давали почти ту же бурду, но она называлась «обед». Сытым был лишь поляк.

Однажды поляк принёс большой кусок хлеба и протянул его русскому.

С русским они кое-как понимали друг друга. Андре говорил по-французски и чуть-чуть по-немецки. Поляк, кроме польского, хорошо говорил по-немецки. Советский, кроме русского, владел ещё одним языком, непонятным для Тиммерманса. На этом языке советский пытался говорить с соседями из других камер. Говорил он и по-немецки, но едва-едва.

Поляк протянул хлеб русскому, потому что русский выглядел очень плохо. А ещё потому, что у них был как бы общий язык. Но русский улыбнулся, разделил хлеб пополам и половину отдал Андре.

С этой минуты они перестали остерегаться друг друга.

Андре имел право покупать в лавочке чистую бумагу и газету «Фолькишер беобахтер», и они с Джалилем решили учить языки. Оторвав от газеты чистый край, рисовали предметы, и советский называл тот предмет по-русски, а Андре — по-французски. Если попадались слова, которые нельзя было нарисовать, они откладывали их до вечера. Вечером им помогал поляк.

Через месяц они понимали друг друга. И Тиммерманс узнал, что сосед его — советский татарский поэт и что его ждёт смертная казнь.

По утрам, оторвав от газеты клочок чистой бумаги, поэт писал стихи.

Тиммерманс удивлялся: как же так — человека ждёт смерть, а он спокоен, даже шутит порой. Поэт объяснил, что смерть он выбрал сам.

Они хотели общаться с друзья-

ми. В каждой камере по соседству был один бельгиец и один татарин. И они попросили работу: «Что-нибудь по дереву».

Тюремная стража принесла им дощечки, стамеску. Стамеской надо было делать в дощечках пазы. Они же этой стамеской стали долбить стену. И каждый, уходя в тюремный двор, брал с собою горсть мусора.

Им повезло — стамеска попала между кирпичами, и за месяц они проковыряли небольшое отверстие. Теперь они могли говорить с друзьями.

На Новый год поэт посвятил стихи Тиммермансу. Он читал их по-татарски, и Андре сказал, что стихи хорошо звучат.

Так они прожили вместе несколько месяцев в ожидании своей участи.

Тиммерманс волновался, поэт был спокоен — ему была известна его участь. Он попросил у Тиммерманса почтовой бумаги, сшил из неё тетрадку и аккуратно, бисерными латинскими буквами заполнил тетрадку стихами.

ИЗ РАССКАЗА АНДРЕ ТИММЕРМАНСА, ЗАПИСАННОГО В БЕЛЬГИИ В 1956 ГОДУ ПОЭТОМ КОНСТАНТИНОМ СИМОНОВЫМ

«...Он уже задолго до суда был уверен, что его казнят. Он несколько раз совершенно спокойно говорил мне о том, что у него нет ни малейших сомнений на этот счёт. В тот день, когда он мне передал тетрадь, Джалиля вызвали к начальнику тюрьмы. Точно не знаю зачем, но кажется, требовали подписать какую-то бумагу. Когда он вернулся из тюремной конторы, он подошёл ко мне, дал мне тетрадь и попросил, если я останусь жив и вернусь домой, сохранить её и передать после войны в советское консульство в той стране, где я окажусь...

Он был очень спокойный и

очень мужественный человек, я всегда уважал его...

Я ведь не знал, что это за тетрадка. Я не знал, что это что-то особенное, я просто выполнил просьбу товарища. Я не хочу, чтобы вы думали, что я сам считаю, что я сделал что-то особенное. Если оказалось, что эта тетрадь — такая важная, очень хорошо, но мне этого нельзя ставить в заслугу, я этого не знал, я этому не придавал такого значения... Всё это было для меня очень просто, и такой же простой вещью осталось для меня и сейчас. Я уважал человека и сделал для него то, что мог сделать... Когда вы увидите вдову Мусы Джалиля, передайте ей, — я очень глубоко уважал её мужа, очень глубоко».

Тетрадь, которую спас Андре Тиммерманс, пришла в Казань в 1947 году.

За несколько недель до казни группу Джалиля, одиннадцать человек, поместили в военную тюрьму Шпандау. Они не выдали своих товарищей, и товарищи продолжали работать.

Фашисты больше не решались посылать татарские легионы в Россию. Один они послали для борьбы с бельгийским Сопротивлением, другой — подавить французских маки. Оба гарнизона перешли на сторону партизан.

Так татарский поэт разбил мечту фашистских палачей превратить пленённых советских людей в карателей.

ИЗ РАССКАЗА ТЮРЕМНОГО СВЯЩЕННИКА ВОЕННОЙ ТЮРЬМЫ ШПАНДАУ ПАСТОРА ЮРЫТКО О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ПОЭТА

«Я помню ещё поэта Мусу Джалиля. Я посещал его как католический священник, приносил ему для чтения книги Гёте и научился ценить его как спокойного, благородного человека. Его товарищи по заключению в военной тюрьме Шпандау очень уважали его... Как рассказывал мне Джалиль, он был приговорён к смертной казни за то, что печатал и распространял воззвания, в которых призывал своих земляков не сражаться против русских солдат».

Пожилой благообразный господин Эрнст Раендаль занимал должность главного палача Германии. И отец его и дед были в Германии палачами. И прежние поколения тоже кормились ремеслом палача. Кроме того, Эрнст Раендаль владел мыловаренным заводом и был, как ни странно, вполне уважаемым человеком в фашистском обществе. А как же — должность главного палача давала неплохой приработок — за одно отсечение головы он получал 300 марок.

Особенно легко работать стало после прихода к власти нацистов — с 1934 года они заменили ручное убийство людей машинным. У палача были два помощника, они получали, правда, не-

большую сумму, подённо, за то, что умело бросали приговорённого к смерти точно под нож гильотины.

25 августа 1944 года, сразу после полудня, палач Эрнст Раендаль сразу отсек одиннадцать человеческих голов—с интервалом в три минуты.

В своей жизни он казнил разных людей и привык не удивляться, но в то утро его поразило, что приговорённые к смерти шли со спокойной улыбкой.

*Нас вывели — и казнь настанет скоро.
На пустыре нас выстроил конвой...
И чтоб не быть свидетелем позора,
Внезапно солнце скрылось за горой.*

Эти строки Муса написал в Моабитской тюрьме. И все его друзья знали их наизусть.

То утро было ярким, солнечным. Но за несколько минут перед казнью стало неожиданно пасмурно. А может, и в самом деле солнце не захотело быть свидетелем позора?

В тот же день чиновник Глюк, исполнявший обязанности служащего загса, с тупым равнодушием заполнил карточку на казнённого поэта. В нужных графах он записал дату и место его рождения, фамилии и имена родителей, имя и фамилию жены.

В одной из граф он записал: «Умер 25 августа в 12 часов 18 минут в Берлине».

А графу «причина смерти» заполнил так: «Обезглавлен».

Фашистским палачам казалось: убив поэта Джалиля, они навсегда пресекли его жизнь.

Во все века были свои палачи и свои поэты. И были свои герои.

Но мы знаем несколько примеров в истории человечества, когда герой становился поэтом, а поэт был героем.

И жизнь их для нас — вечна.

В нашем, двадцатом, веке таким человеком стал Муса Джалиль, советский поэт, рождённый за Волгой и погибший в фашистском Берлине.

Рис. Л. Уральской

МОРСКИЕ ИСТОРИИ

СОБРАЛ И РАССКАЗАЛ И. ДУКАНОВ

КИЛЕМ ВВЕРХ

Ветер дул свежий, попутный. Шхуна «Флора» шла из Швеции в Барселону с грузом строевого леса. Утром 16 ноября 1847 года до порта назначения не оставалось уже и сорока миль. Маленькая команда «Флоры» — капитан Лефгрэн, помощник и шесть матросов — заранее предвкушала долгожданный, а теперь уже близкий отдых на берегу. Настроение у всех было приподнятое и безоблачное как небо.

— Если ветер не переменится, часа через три, ребята, будем в Барселоне, — широко и молодо улыбнулся рослый матрос Нильс Юханссон.

— Что, брат, никак глотка пересохла? — подзадорил Юханссона Свен Энkvист, его первый приятель несмотря на большую разницу в возрасте, и налёг на ложку, как на весло.

— Всем хорош наш капитан, только вот насчёт выпивки строговат.

— Да, всё идёт гладко как по маслу, — вздохнул молоденький матросик Густав Эрикссон. Для него это плавание было первым. — С самого выхода в море — ни одного серьёзного шторма. Дома и рассказать-то нечего будет.

— На гладком, сынок, скорее сломаешь шею, — возразил поседевший в море Энkvист. — Море — штука коварная. Не говори «гоп», пока не перескочишь.

— На всё-то вы, дяденька, смотрите сквозь чёрные очки.

— Не нравится мне вон та тучка.

Старый моряк ткнул чубуком прокуренной трубки в грязно-жёлтый клочок неба, который увязался за

«Флорой», как верный пёс за своим хозяином, и никак не желал отставать.

— Ну, допустим, покапает немного за шиворот. Не сахарные — не растаем.

...Капитан Лефгрэн и помощник Бергман играли в шахматы в каюте капитана, когда столик, за которым они сидели, встал внезапно стоймя. Короли, королевы и слоны посыпались на пол вместе с пешками.

Игроки вскочили как ужаленные и бросились к открытому по случаю хорошей погоды люку.

— Свистать всех наверх! Убрать паруса! — рявкнул капитан Лефгрэн, едва его голова показалась из люка.

Но было уже поздно.

В мгновение ока бешеный порыв ветра опрокинул «Флору» вверх дном — рулевой и двое матросов, которые несли вахту на палубе, были выброшены за борт и бесследно стигли в морской пучине.

Но деревянному судну с грузом дерева опасность пойти ко дну не грозила. При катастрофе брёвна перекатились на потолок трюма, и между ними и днищем образовалось низкое — во весь рост не подняться — пустое пространство, в котором оказались в заточении капитан Лефгрэн, его помощник Бергман и трое оставшихся в живых матросов. Все они отделались синяками и ушибами.

Придя в себя и убедившись в том, что «Флора» хорошо держится на плаву, моряки понемногу стали осваиваться со своим положением. В темноте Бергман наткнулся на закупоренный бочонок. Неужели вода? Какое счастье! Юханссон и Эрикссон с трудом вышибли дно бочонка, но — горькое разочарование! — бочонок

оказался набитым солёной селёдкой. В другом найденном бочонке плескался ром.

Прошло пять кошмарных дней и ночей. А может быть, пять недель. Счёт дням давно потерян. В крошечной тьме никто не в состоянии отличить дня от ночи. Голод — не тётка. Бочонок с селёдкой наполовину опустошили, но больше никто не может проглотить ни кусочка. Ром тоже лишь разжигает жажду — даже Нильс Юханссон наотрез отказывается теперь от своей порции.

Трюм кишит крысами. Они не поддержали славы своих сородичей, которые, по старому морскому по-

верью, заблаговременно удирают с обречённого на гибель корабля. Эти огромные омерзительные твари нагло пробегают по распростёртым на брёвнах полуживым людям, норовят укусить. Они не дают людям забыться сном.

Солёной воды сколько угодно, только пей! И Нильс Юханссон, который хватил рому больше, чем другие, пьёт и пьёт.

— Опомнись, несчастный! Что ты делаешь?! — вне себя кричит Энkvист. — Ты погубишь себя!

Товарищи уговаривают Нильса, пробуют оттащить его от воды. Но тот отбивается от них кулаками и

Николай ГОЛЬ

Рис. Л. Московского

Уроки иностранного языка

Любой человек на огромной планете
К родной своей речи привык,
Пусть сотни и сотни наречий на свете,
У дружбы — особый язык.

С друзьями большая дорога — короче,
И если всем вместе шагать,
То даже не нужен порой переводчик,
Чтоб добрую шутку понять.

пёт, пёт, будто помешанный, хрипло проклиная своего приятеля Свена Энkvиста:

— Это ты накаркал беду, старый хрыч.

Ночью (кажется, это была ночь) Юханссон умирает в страшных муčenjaх.

Оставшиеся в живых настойчиво требуют, чтобы капитан Лефгрeн приказал выломать кусок обшивки. Но не было ещё на свете капитана, который приказал бы рубить днище своего корабля!

— Как хотите, капитан, но пока у нас ещё есть силы, мы будем долбить днище, — сказал Свен Энkvист.

— А они тают с каждой минутой, — поддержал Энkvиста помощник капитана Бергман. — Лучше погибнуть сразу в волнах, чем медленно задыхаться в этом зловонном плавучем склепе.

Скрепя сердце капитан Лефгрeн приказал рубить днище, которое для команды «Флоры» превратилось в крышу дома.

Час за часом, стоя на коленях и воздев руки над головой, будто в молитве, из последних сил тычут моряки карманным ножом в неподатливую, крепкую, как скорлупа ореха, обшивку. Они сменяют друг друга через каждые десять-пятнадцать минут. Сменившиеся в изнеможении валяются на скользкие брёвна.

Наутро седьмого после катастрофы дня из узкого отверстия ударил луч света. Моряки крикнули «ура!». Даже лежавшие в полузабытьи/приподнимали голову и, прищулив глаза, как заворожённые, ловили лучик надежды. Капитан Лефгрeн лично просунул в отверстие выпрямленный обруч от бочонка с привязанным на конце белым носовым платком.

К счастью для команды «Флоры», море в этот день было спокойным.

— ...Где же ваши сардины, дон Педро? Боюсь, что сегодня нам не наловить и на одну жестянку.

— Кажется, вместо сардинок мы выловим с вами кое-что поинтересней, — взволнованно отозвался дон Педро. — Где только я не бороздил волны, но ни разу не видел, чтобы белые флаги росли прямо из воды!

Разговор этот происходил на палубе испанской рыболовной тартаны, в виду берегов острова Менорка, милях в двухстах от Барселоны.

Через несколько часов после того, как капитан «Флоры» выбросил белый флаг (эти несколько часов показались отчаявшимся морякам вечностью), снаружи раздались голоса и топот людей, а затем торопливый стук топоров.

— Чёрт побери! Лучшей музыки я не слыживал! — вскричал капитан Лефгрeн.

— И не услышите, капитан, — с

УРОК АНГЛИЙСКОГО

*Иду по дороге. Вижу бук.
Влез, как дозорный на вышку.
(Когда англичанин скажет:
«Бук» —
знай, он увидел книжку.)*

*Как Робин Гуд, натянул я лук,
к цели, стрела, лети!
(Когда англичанин крикнет:
«Лук!» —
знай, он крикнул: «Гляди!»)*

*Свалился с бука. Какой-то шип
как саданёт по лицу!*

*(Когда англичанин крикнет:
«Шип!» —
знай, — он встретил овцу.)*

*Вижу мальчишку. Вступаю в бой.
Стреляю, «врага» гоняю.
(Когда англичанин крикнет:
«Бой!» —
знай, он встретил меня!)*

улыбкой заверил Энквист. — Даже если проживёте ещё столько же.

Спасённые обняли друг друга.

РУССКИЙ ГЕРКУЛЕС

19 июня 1807 года русская эскадра вице-адмирала Д. Н. Сенявина одержала блестящую победу над турецким флотом у полуострова Афон в Эгейском море.

Афонская победа была омрачена смертью командира линейного корабля «Рафаил» капитана первого ранга Дмитрия Александровича Лукина, в

разгар сражения убитого наповал пушечным ядром.

После Лукина не осталось ни одного портрета, но долго передавались из уст в уста рассказы о его необычайной, фантастической силе. Несмотря на небольшой рост, Лукин легко, как пряники, ломал серебряные рубли, вязал морские узлы из железной кочерги, большим пальцем, будто в глину, вдавливал в дубовую стену каюты гвозди по самую шляпку.

Иностранцы прозвали Лукина «Русским Геркулесом».

УРОК НЕМЕЦКОГО

Я стал матросом. Покинул вас.
Сменил на бушлат пальто.

(Если немец крикнул:

«Вас?» —

знай, он спросил: «Что?»)

Ставь паруса и палубу драй,
щёткою доски три!

(Ежели немец крикнул:

«Драй!» —

он выкрикнул цифру «три».)

А в море — буря. Волны на шторм
мчатся в облачной хмури.

(Ежели немец крикнул:

«Штурм!» —

он тоже застигнут бурей.)

Шквал отшумел, и повсюду штиль.

Не видел погоды тише!

(Ежели немец крикнул:

«Штиль!» —

знайте, он крикнул: «Тише!»)

Как-то во время стоянки «Рафаила» в Ширнессе, съехав на берег по делам службы, Лукин с десятком матросов был окружён оравой крепко подгулявших англичан, которые вздумали поколотить русских моряков. Лукин не испугался славы «пенителей морей», сгрёб одного в охапку и, швырнув на напиравшую толпу, повалил сразу несколько человек. Следуя примеру своего командира, русские моряки кулаками положили себе дорогу к шлюпке. Задиры остались с носом, многие и с расквашенным. Рассказывали, что лучшего английского боксёра, который вызвал его на единоборство, наш Геркулес перебросил через канаты ринга.

Сильные всегда добры. Товарищи и подчинённые любили Дмитрия Александровича за мягкость характера, щедрость и чуткость души. Никогда — без крайней нужды — он не давал воли своему кулаку. Уговорить Лукина показать на что он способен было почти невозможно.

Слава силача докатилась и до ушей императрицы Марии Фёдоровны. Однажды, пригласив Лукина к обеду, она стала просить его показать свою силу.

Лукин долго отнекивался:

— Да как же я вам её покажу, ваше величество?.. Впрочем, прикажите подать сюда вон те два блюда.

Лукин сложил массивные серебряные блюда вместе и на глазах

изумлённой императрицы свернул их, как лист бумаги, в трубочку.

ЖЕНЩИНА И МОРЕ

У моряков исстари бытовало поверье: женщина в море приносит несчастье. Так думала и команда бригантины «Делавар», которая 3 декабря 1863 года вышла навстречу шторму из порта Нельсон, что в заливе Тасмана на Новой Зеландии.

...Утром 4 декабря Хурию Матенгу разбудили пушечные выстрелы, гремевшие со стороны моря. Хурия торопливо оделась и выбежала из дому. Чёрные блестящие волосы молодой новозеландки, которые едва ли не доставали ей до пят, развевались, как вымпел. А небывалой силы ветер валил с ног, обрушивал на берег гороподобные океанские валы.

В полумиле от берега, там, где притаились под водой предательские рифы, Хурия заметила неподвижно застывший корабль. Это был «Делавар». Вот его траурно-чёрный корпус, захлёстнутый огромной волной, совсем исчез из глаз, но тут же появился снова. Было видно, как по накренившейся палубе растерянно мечутся люди. Порой ветер доносил их крики и мольбы о помощи — под могучими ударами океанских молотов корпус бригантины трещал по всем швам...

УРОК ФРАНЦУЗСКОГО

Какой-то ребёнок... —
может быть, ваш?.. —
плачет, уныло сидя.
(Если француз промолвит:
«Ваш», —
знай, он корову видит.)

Может, голодный? Голод крут,
вот он и плачет горько.
(Если француз промолвит:
«Крут», —
знай, он глодает корку.)

Дам ему пряников целый куль —
слёзы малыши утрёт.
(Если француз промолвит:
«Куль», —
знай, он сказал: «Течёт!»)

Попытка помощника капитана добраться до берега вплавь и закрепить канат на берегу окончилась плачевно. Волна ударила пловца о камень и отшвырнула прочь. Когда его вытащили на палубу, он был без сознания.

Отчаянные крики моряков и пассажиров «Делавара» опять донеслись до ушей Хурии. Вышли на берег и другие жители деревушки.

— Мы должны им помочь, — обратилась к вождю Хурия.

— Но ведь это — пришельцы! — гневно ответил он. — Мы не звали их к себе. Мы должны радоваться их беде.

— Но ведь это люди. И эти люди погибнут без нашей помощи, —

возразила молодая женщина и первой смело бросилась в кипящие волны.

Примеру Хурии последовали её муж Хеми Матенга и юноша по имени Кахупуку.

В искусстве плавать канаки не знали себе равных. То взлетая на седой гриве попутной волны, то глубоко ныряя, когда грозно нависал над головой встречный вал, смельчаки сумели добраться до погибающего корабля поймали конец троса, брошенный с него, и повернули обратно, к берегу. Натянув трос, они закрепили его конец на берегу, и по этой канатной дорожке один за другим перебирались на берег моряки «Делавара». Вот один из них, вы-

Дай-ка мальчонке воздушный шар —
мигом высохнут слёзки.
(Если француз промолвит:
«Шар», —
знай, он катит в повозке!)

Трудно язык нам даётся чужой.
Но не беда!
За работу с тобой
Дружно возьмёмся и смело.
То, что сегодня начнётся игрой,
Завтра закончится — делом.

бившись из сил в борьбе со стихией, выпустил из рук спасительный канат. Хурия и её друзья не медля ни минуты устремились на помощь утопавшему. А когда обнаружилось, что в смятении забыли на борту «Делавара» пострадавшего помощника капитана, Хурия и её муж, несмотря на смертельную усталость, снова попали к кораблю...

Отвага молодой женщины произвела сенсацию. Она стала самой знаменитой женщиной и среди своих соплеменников.

...Хурия Матенга прожила ещё долго: она умерла в 1909 году в возрасте семидесяти пяти лет. Как-то, уже на склоне лет, корреспондент газеты спросил её:

— Какой день вы считаете самым счастливым в вашей жизни?

Хурия мягко улыбнулась и, колеблясь, ответила:

— День, когда мы помогли спасти морякам с «Делавара». Этот день вечно будет плавать в волнах моей памяти.

Рис. В. Топкова

цифры и факты

Разные дороги приводили молодых людей на фестивали, разные были у них судьбы.

На I фестивале в Праге было немало молодых людей, ещё вчера с оружием в руках сражавшихся против фашистов. Среди них — итальянец, комиссар партизанского соединения в Альпах Альмо Бертолини, болгарка Анна Георгиева — она распространяла антифашистские листовки в годы оккупации своей страны фашистами, командир югославского партизанского отряда Маринко Бензан, участник французского Сопротивления Альфонс Антони Соизет...

Французская героиня Раймонда Дьен прибыла на фестиваль в Берлин вскоре после освобождения из тюрьмы. На встрече с делегатами она говорила: «Мы собрались на фестиваль не для того, чтобы просить мира. Мы требуем его!»

На Московском фестивале делегаты слушали взволнованный рассказ японки Хисоко Начата о трагедии Хиросимы. Под атомным пеплом погибли её мать, отец, младшая сестра. Она чудом осталась жива.

Трудной была дорога на II фестиваль паровозного машиниста из Хайфона Ли Дук Фо. Он добирался пешком почти полгода. Его слушали в Будапеште с огромным интересом.

Навсегда запомнили участники VIII Всемирного фестиваля в Хельсинки обаятельную улыбку Юрия Гагарина — первого землянина, побывавшего в космосе.

Филиппа Пиерс — популярная в Англии детская писательница, её книги неоднократно назывались в числе лучших книг года.

За что читатели так любят Филиппу Пиерс! Наверное, за то, что она хорошо их знает и умеет лукаво посмеяться над их милыми чудачествами и слабостями.

Муха разбудила Чарли посреди ночи. Он лежал, ещё не совсем очнувшись от сна, и слушал, как она летает по комнате и жужжит. Жужжание то удалялось, то приближалось...

И тут муха набросилась на Чарли. Он стал отбиваться, но безуспешно. Чарли крикнул младшему брату:

— Вильсон, тут муха!

Но Вильсон продолжал спать, а Чарли и муха продолжали сражаться. Муха снова и снова нападала на Чарли, Чарли снова и снова отгонял её.

Сражение закончилось неожиданно — муха перестала жужжать, значит, один из ударов достиг цели. Чарли решил было снова уснуть, но вдруг почувствовал — в ухе начало что-то свербить. Наверное, — ну да, так и есть — там муха!

Чарли вскочил с кровати:

— Вильсон, Вильсон! Говорю же тебе — мне в ухо залетела муха.

Но Вильсон только глубоко вздохнул, медленно, словно тюлень, перевернулся на спину и не проснулся.

Дрожь от холода, Чарли стоял посреди комнаты и пытался справиться с мыслями. Как заглянуть в ухо? Где найти того, кто заглянет? Может быть, Маргарет?

Чарли включил свет в комнате сестры — её кровать была пуста. Прислушался: в доме не раздавалось ни звука, за исключением обычного посапывания Флосс, снизу, из холла, где она спала. Во сне она, конечно, видела всякую вкусную еду.

И тут ухо опять напомнило о себе: в нём стоял такой шум, словно внутри поселилась не муха, а голубь.

Что предпринять? Вильсон спит. Маргарет куда-то пропала. Осталась Элисон. Но Элисон — старшая сестра и потому задирает нос.

Разбудить маму — и всё тут!

Чарли побрёл по коридору. Вот и двери, которые родители оставляют слегка приоткрытыми.

— Мам, — позвал он.

Мама проснулась сразу:

— Кто это? Кто? Что случилось? Что...

— У меня в ухе муха...

— Откуда она у тебя там?

— Она влетела...

Мама включила лампу на тумбочке.

Папа, что-то пробурчав, заворочался под одеялом, но потом затих.

Чарли опустился на колени возле кровати, и мама заглянула ему в ухо:

— Нет там ничего.

— Что-то трещит...

— Да нет там никакой мухи. Возвращайся в постель и перестань выдумывать.

Тут из-под одеяла высунулась папина рука, пошарила по тумбочке, щёлкнула выключателем, и из темноты, с той стороны, где лежал папа, раздалось недовольное мычание.

— Спокойной ночи,— сказала из темноты мама.

— Спокойной ночи,— грустно ответил Чарли.

Чарли закрыл дверь в комнату родителей. Он не хотел, чтобы мама слышала, как он будет спускаться вниз, в кухню: ну, попить или, может, пожевать чего-нибудь. Сон у него пропал, и он понял — нужно подкрепиться.

Чарли крался по лестнице, надеясь, что у Флосс хватит сообразительности не поднимать шума. Он спустился на первый этаж, обогнул лестницу, направился в кухню — Флосс не только не залаяла, но даже не заворчала. Но когда Чарли проходил мимо корзины, где Флосс спала, то ощутил какое-то непонятное беспокойство — будто там что-то не так.

— Флосс,— шёпотом позвал он.

Раздалось обычное пофыркивание, и когти Флосс зацарапали по корзине. Он протянул руку, чтобы Флосс лизнула её...

— Не тыкай пальцем в глаза,— сердито сказал знакомый хриплый голос.

«Флосс заговорила?» — подумал он, сделал неуверенный шаг в сторону голоса и сразу же споткнулся обо что-то... От неожиданности он сел на пол... А дальше случилось вот что: Флосс, очевидно, перелезла через препятствие, о которое только что споткнулся Чарли, забралась к нему на колени, стала лизать лицо. И в тот же момент, когда он хотел закричать, чья-то рука закрыла ему рот.

— Не поднимай шума! Спокойно! — сказал тот же хриплый голос.

В голове у Чарли стало немного проясняться: он понял, что сидит на полу, на коленях у него — Флосс, а рядом с ним — Маргарет.

— Ты что здесь делаешь, Чарли?

— Видали?! А ты?.. Мне-то муха в ухо залетела.

— Ври!

— Залетела!

— И потому ты спустился вниз?

— Я захотел попить...

— Но вода есть и наверху, в ванной.

— ...и немного подкрепиться.

— А если тебя мама поймает?..

— Послушай,— перебил её Чарли,— ты лучше скажи, сама-то что тут делаешь?

Маргарет вздохнула:

— Просто сижу с Флосс.

— Скажешь, ты спустилась сюда ночью ради того, чтобы посидеть с Флосс?!

— Да, вот сижу с ней за компанию. Только по субботам, конечно. Ведь никто не знает, каково приходится, когда отнимают щенков!

— Но последнего щенка забрали давным-давно — несколько недель назад. Не сидишь же ты за компанию с Флосс с тех пор каждую субботу?

— Почему бы и нет?

— Да... — вздохнул Чарли. — Всё равно пойду подкреплюсь! — И пошёл на кухню.

За ним — Маргарет.

За Маргарет — Флосс.

Сначала они напились воды.

Потом Чарли и Маргарет заглянули в кладовку и увидели — сырое мясо, большую миску с картофельным пюре, почти целый батон, яйца, масло и сыр.

— Я предлагаю взять булку, немного сыра и масла. Всё другое мама может заметить, — сказал Чарли.

— Чего-нибудь горяченького хочется, — вздохнула Маргарет. — Стаканчик бы какао горячего!

Она нашла молоко в кастрюле — поставила на плиту. Затем стала искать банку с какао. Чарли, стоя у плиты, на скорую руку делал бутерброд с сыром... А молоко на плите начало закипать. Оставленное без присмотра, оно поднялось в кастрюле, добралось до края и, громко зашипев, — выплеснулось.

Маргарет бросилась к плите и стащила кастрюлю с огня.

— Ты что, Чарли, не видел, что молоко закипало? Теперь этот запах останется здесь до самого утра.

— Включи вентилятор.

Заработал вентилятор и с громким шумом погнал воздух из кухни вверх по трубе на улицу. А над кухней как раз находилась спальня Элисон...

Чарли жевал булку с сыром, Маргарет пила какао, когда дверь кухни отворилась — на пороге стояла Элисон.

Её появлению обрадовалась только Флосс.

— Так... — многозначительно сказала Элисон.

Чарли пробормотал что-то про

муху, которая залетела в ухо. Маргарет молчала. Было ясно, что Элисон позовёт маму и будет ужасный шум.

Но Элисон всё стояла на пороге — ей пришлось быть хозяйкой положения. Потом, вместо того чтобы сделать шаг назад и позвать маму, она шагнула вперёд и оказалась в кухне.

— А что вы тут едите? — спросила она, бросив взгляд на какао и бутерброд с сыром.

Потом Элисон направилась к кладовке, распахнула дверь и стала внимательно изучать содержимое полок. Наверное, вот так и Наполеон оглядывал поле сражения перед тем, как одержать победу.

Её взгляд остановился на миске с картофельным пюре.

— Сделаю-ка я картофельные оладьи, — сказала она решительно. Элисон поставила миску с пюре на кухонный стол, включила плиту, достала всё необходимое и начала делать тесто.

— Если ты возьмёшь картофельное пюре, мама сразу заметит, — сказала Маргарет.

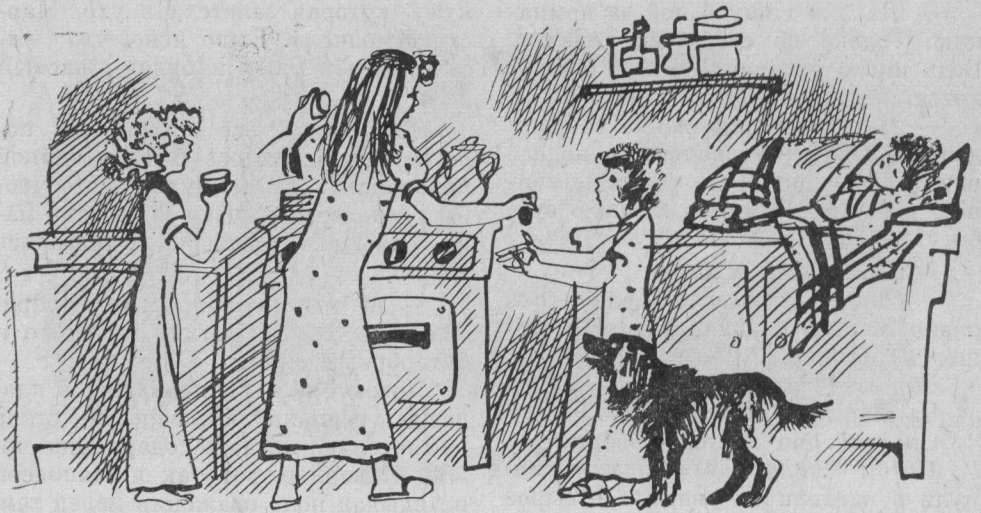
— Мама заметит, если пюре станет меньше, — согласилась Элисон. — Но если его совсем не останется и если миска, в которой оно было, будет чисто вымыта и стоять будет вместе с остальной посудой, она подумает, что никакого пюре и не было.

Чарли и Маргарет были ошеломлены неожиданным поворотом дела.

— А теперь, — сказала Элисон, — надо принести сюда Вильсона. Нам лучше держаться всем вместе. Если всё раскроется, влетит не только нам, и Вильсон при этом не будет держаться за мамин передник и улыбаться, как невинный ангелочек. Отвечать придётся всем! Да мама и не будет так сердиться, если узнает, что Вильсон был вместе с нами.

Чарли сразу со всем согласился. А Маргарет возразила:

— Вильсон всё равно всё расскажет маме — он ведь всегда ей всё говорит. Он просто не может не сказать.

Но Элисон продолжала:

— Он всегда ей всё говорит — это правильно. Вот мы и дадим ему пищу для рассказов, а потом посмотрим, поверит ли ему мама. Мы устроим ему развлечение. Тащите сюда зонтик, зюйдвестку Вильсона, одеяло и коврик. Да пошевеливайтесь!

Чарли и Маргарет притащили зонтик и шапку. Потом пристроили на кухонном столе завернутого в пуховое одеяло и посапывающего во сне Вильсона.

Тем временем подоспели картофельные оладьи. Элисон сняла их с плиты, смазала маслом и разложила по тарелкам — Чарли, Маргарет и себе. Одну оставили остывать — для Флосс. Запах свежеспечённых, намазанных маслом картофельных оладий разбудил Вильсона. Сначала он втянул носом воздух, потом открыл глаза, и взгляд его остановился, конечно, на оладьях.

— Хочешь штучку? — спросила Элисон.

Вильсон широко раскрыл рот, и Элисон засунула туда оладью целиком.

— Это райские оладушки, — сказала она.

— Картофельные оладушки? — переспросил Вильсон, узнавая их вкус.

— Нет, Вильсон, это — оладушки райские, — строго сказала Элисон.

Она отошла в сторону, и Вильсон увидел, что Чарли и Маргарет продёлывают с зонтиком, зюйдвесткой и ковриком какие-то чудеса.

— Смотри, Вильсон, смотри! — продолжала говорить Элисон и кидала в его широко раскрытый рот одну за другой картофельные оладьи.

Но вот оладьи съедены. Вильсон начал зевать, клевать носом и, наконец, крепко уснул.

Чарли и Маргарет опять завернули его в пуховое одеяло, отнесли наверх, в кровать. Потом они спустились, чтобы положить на место зонт и зюйдвестку и устроить в корзине Флосс. Последней с кухни ушла Элисон, но лишь после того, как убедилась, что всё находится на своих прежних местах.

...На следующее утро первой встала мама. Она спустилась на кухню, чтобы, как всегда по воскресеньям, приготовить плотный завтрак, за которым собиралась вся семья.

Папа пришёл к завтраку вовремя. Но когда он появился, завтрак ещё не был готов — мама всё искала миску с картофельным пюре.

— Не могу понять, куда она делась? — говорила она. — Даже представить себе не могу.

— Ничего, я съем яичницу с ветчиной, — сказал папа. — И без картошки.

Он так и сделал. Он ел, а мама искала.

Спустился Вильсон. Он сказал, что Чарли спит, что из комнат девочек тоже никаких звуков, что все они, наверное, устали.

Он и за завтраком продолжал болтать. Папа читал газету, мама шарила в кладовке в поисках картофельного пюре, а Вильсон всё говорил. Он мог говорить, даже если его никто не слушал.

Когда мама на минутку выглянула на кухню, так и не найдя пюре, Вильсон рассказывал:

— ...и Чарли сидел в лодке из зонтика, на море из коврика... Маргарет притворялась, будто она — морская змея. А Элисон угощала меня райскими оладушками. Флосс тоже достала оладушек, но он был для неё слишком горячий. Что такое райские оладушки, пап?

— Не знаю, — ответил папа, не отрываясь от газеты.

— Мам, что такое райские оладушки?

— Вильсон, не приставай ко мне, когда я что-нибудь ищу... А когда ты ел эти оладушки?

— Я же говорил тебе. Чарли сидел в лодке из зонтика на море из коврика, а Маргарет была морской змеей, а Элисон...

— Вильсон, — сказала мама, — тебе всё это приснилось.

— Нет, это правда! Это правда! — захныкал Вильсон.

Но мама больше не обращала на него внимания.

— Я сдаюсь, — сказала она. —

Может быть, картофельное пюре было в прошлое воскресенье?

А Вильсон, сидя на кухне, капризно говорил папе:

— Я и не спал. А ещё Чарли говорил, что у него в ухе — муха.

Папа, слушавший до того не очень внимательно, отложил газету:

— Что?

— У Чарли в ухе была муха.

Папа посмотрел на Вильсона пристально:

— И чем, ты говоришь, вас угощала Элисон?

— Райскими оладушками. Она их как раз только что приготовила. Посреди ночи, я думаю.

— А какие они были на вкус?

— Замечательные. Горячие. С маслом.

— А могли они быть сделаны из картофельного пюре, например?

— Не знаю, — сказал Вильсон. — Но это были оладушки райские.

Папа засмеялся и кивнул:

— Ну, ты уже позавтракал, а теперь ступай наверх, оденься. Возьми это, — он достал из кармана монетку, — и прямым ходом в кондитерскую. Ну, беги!

Мама столкнулась с Вильсоном в дверях кухни.

— Куда это он понёсся?

— Я дал ему на конфеты, — ответил папа. — Хочу позавтракать спокойно. Вильсон — слишком болливый ребёнок.

И папа сам себе заговорщически улыбнулся.

*Сокращённый перевод с английского
А. Бранского.*

Рис. В. Топкова

Гроза

28 июня

Выбор профессии отложил — была такая жарница, что я почти весь день провалялся, высунув язык. Два раза мы с Витей бегали на речку купаться.

Поздно вечером вдруг приехал Пал Палыч. Мы очень обрадовались, потому что он приезжает только в выходные дни, и бросились к нему навстречу.

— Стой! Ни с места! — закричал он страшным голосом. — Я огнедышащий и раскалённый.

— Павлуша, что случилось? — испуганно спросила мама Маша.

— Полотенце и плавки! Быстро! — приказал Пал Палыч. — Я не человек, пока не окунусь в реку. В городе — пекло, люди гибнут, превращаясь в горячие пироги!

Так мы в третий раз пошли на реку. Вода была чёрная. Пал Палыч и Витя кинулись в неё с ужасным воплем и скрылись надолго. Потом кинулась в воду мама Маша. Сам не зная почему, кинулся в этот кошмар и я.

На обратном пути Витя сказал:

— Знаешь, пап, Пираты всё-таки полюбили купаться.

Я хотел протестующе гавкнуть, но промолчал, подумал — слава богу, уже ночь и нам не придётся ку-

паться в четвёртый раз. Но я ошибся. Пришлось.

Жара не спадала даже после ужина.

— В воздухе пахнет грозой... — пропел Пал Палыч.

— Уж как надо бы! — вздохнула тётя Груша. — Суть не ко времени. Не погорело бы всё в поле и в огородах.

Спать все легли на полу на террасе. Но только мы заснули — вдруг... Не могу этого описать. Что-то лопнуло, опять лопнуло и снова лопнуло с ужасающим треском и пошло молотить по нашей крыше молотками!

— Ура-а! — закричали Витя и Пал Палыч и застучали по крыльцу голыми пятками.

— Бельё, бельё у меня на верёвках! — закричала тётя Груша и промчалась мимо меня, опрокидывая стулья.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 6.

— Павлуша, окна, окна закрой! — закричала мама Маша, и мне показалось, что в доме сразу разбилась вся посуда.

Из-под кровати меня вытащил Витя. Он был в одних трусах и весь мокрый. Он прыгал.

— Скорей, Пиратыч! Какой бесшумный ливень! Ничего не видно!

Чему он обрадовался? Действительно видно ничего не было. Отовсюду лилась вода: с неба, с крыши, с Пал Палыча, с тётки Груши и мамы Маши. Они катили бочку к водосточной трубе, из которой бил столб воды. Фома сидел на перилах террасы, но и с него уже натекло на пол.

А Витя скакал по самым глубоким лужам, как будто мало было воды сверху.

— Играют волны, ветер свищет!.. — вопил он и хохотал во всё горло. — Ко мне, Пиратыч, ко мне, мой храбрый пёс!

Мне совсем не хотелось купаться в четвёртый раз. И почему я вдруг сорвался, как ненормальный? Визжал, прыгал, лаял и носился по лужам? Не могу понять...

Потом мы все, стуча зубами, пили горячий чай с молоком и малиновым вареньем.

— Отлично! Великолепно! Грандиозно! — бросал восклицания Пал Палыч и дул в блюдце. — Гроза — это радость и обновление! Детство и счастье!

Я сидел в Витином старом свитере, и высокий его воротник мешал мне вылизывать миску.

Очень люблю малиновое варенье!

— Съел?! — удивилась тётка Груша и всплеснула руками. — Нет, ни-почём не поймёшь вас, дачников: ночью голые скачут под дождём, а собака у них варенье жрёт!..

Лошадь в лесу

30 июня

Вчера была прекрасная прогулка в лес.

Я увидел крупные следы и пошёл по ним, не отрывая носа.

— Пиратыч что-то почуял, — прошептал Витя и побежал за мной.

Следы становились всё виднее. Я поднял голову и увидел... лошадь.

Конечно, я сразу же на неё залаял. Лошадь тряхнула чёлкой и показала мне длинные жёлтые зубы. Я решил напасть на неё с другой стороны. Но там оказалась телега, в которой сидел старик с бородой.

— Шустрый пёсик... Какой породы? — спросил он.

— Фокс-крысолов, — мрачно ответил Витя.

— И ловит? — удивился старик.

— Пока нет, — ещё мрачнее ответил Витя и погрозил мне за спиной кулаком.

Я совсем сбился с толку: хватать мне лошадь за ноги или нет?

Витя больше не делал никаких знаков, а старик с бородой поманил меня пальцем:

— Поди, поди сюда, дурачок!.. Я не обижу. Я вашу лохматую братию люблю. — Вдруг он повернулся к Вите и спросил: — Ты когда уедешь с дачи, сынок, собачку-то как, здесь оставишь?

— Я? Пиратыча? — изумился Витя.

— Бывает и так. Дачники уедут, а животное бросят. У меня этих горемык бесхозных один раз семь душ скопилось — три собаки, четыре кота... А как выгонишь? Пропадут с голоду...

Старик слез с телеги и стал кидать на неё лопатой мусор из кучи. Витя стал ему помогать.

— Мусор — это тоже их, дачников, работа, — вздохнул старик. — Приедут, позагорают, кислородом подышут, а после них хоть в лес не ходи... Осторожно, пёсик, тут стекло, ты же у нас босиком...

Когда мы погрузили весь мусор, старик сказал нам «спасибо» и пригласил в гости.

— Я живу в жёлтом домике на горе. Его отовсюду видно. Легко найдёте.

Этот добрый старик мне очень понравился. Лошадь его — тоже. В хорошем настроении мы побежали догонять Пал Палыча и маму Машу.

Кто никогда не был городской собакой, даже представить себе не может, до чего же это здорово — мчаться вперед, не разбирая дороги, перемахивать ямы и кусты, с налёту врзаться в чащу! Нос у меня чуть не разрывался — столько попадало в него прекрасных запахов! А один — вдруг совсем свёл меня с ума. Я даже взвыл и сделал стойку возле большой чёрной норы. Но когда я засунул в неё голову... Нет, это даже описать нельзя! Там нестерпимо пахло настоящим лесным зверем! Я лаял, рыл землю передними лапами и отбрасывал её задними. А где-то далеко в земле что-то живое дышало, урчало и... боялось меня.

Пал Палыч, конечно, вытащил меня из этой норы.

— У этого пса есть задатки и темперамент, — сказал он.

— Я же тебе говорил, папа, Пиратыч себя ещё покажет! — с гордостью произнёс Витя.

Обратная дорога из леса тоже была очень интересной. Мы собирали коллекции. Мне попалось много забавных находок: сухая сплюснутая лягушка, птичье крыло, чья-то челюсть и круглое волосатое гнездо с дыркой. Но всё это пришлось бросить. Карманы у Вити и без того были набиты доверху.

Я ему завидовал, хотя вообще-то носить одежду очень противно. Ви-

тя как-то надел на меня трусы и майку, но я сразу же в них запутался и упал. А вот от двух боковых карманов я бы не отказался!

Страшный пёс

1 июля

Какая встреча! Не могу опомниться! Кажется, начинаю понимать смысл выражения «собачья жизнь».

Но лучше всё по порядку.

Вчера после обеда я пошёл к забору закопать в заветном месте возле кустов кость про запас. Только вырыл ямку, вижу — на меня из кустов смотрит чей-то пронзительный глаз. Я, понятно, оскалил зубы. Но глаз не исчез. Тогда я разозлился:

— Эй, ты, поди прочь! Тебе не достанется моя кость!

— Жадность и грубость не украшают даже собак, — медленным хриплым басом ответили мне из-за забора.

Ну, нахал! Вот я сейчас задам тебе трёпку! Я проскочил стрелой сквозь кусты — и остолбенел!

По ту сторону нашей изгороди сидел огромный страшный пёс. Чёрный, худой, весь в ренейниках. На месте левого глаза у него... ничего не было. А правый смотрел на меня так, что я почему-то независимо от

собственного желания встал на задние лапы.

— Отличное пузо!.. — насмешливо сказал чёрный пёс. — Ты каждый день набиваешь его до самого горла?

Я не люблю, когда со мной разговаривают подобным тоном, а потому сразу же привёл себя в порядок, то есть встал на четыре лапы и сказал небрежно:

— Очень возможно... Набиваю. Три раза, а то и четыре в день.

Пёс отвернулся, лёг, устало положил свою большую голову на передние лапы и закрыл свой единственный глаз.

Нехорошо стало у меня на душе: уж очень скверный был у него вид.

— Послушай, — спросил я, — ты болен?

— Нет, — ответил он.

— Я чем-нибудь могу тебе помочь?

— Ничем, — ответил он. — На свете есть только одна собака, которая умеет делиться... И то потому, что у самой не густо.

— Чего не густо? — не понял я.

— Еды! — вздохнул он. — Тебе не понять этого, пёсик, но я уже три дня ничего не ел...

«Идиот! (это я про себя). Стоял и хвастал набитым пузом перед голодным братом. Стыд-то какой!»

Я снова проскочил сквозь кусты, схватил свою кость и притаился её к изгороди.

Как он в неё вцепился! Даже затрясся с головы до пят! И грыз её, грыз, пока не съел всю!

Я сбегал на кухню, с несчастным видом стал перед тётей Грушей на задние лапы, получил холодную котлету и привёс её одноглазому. Он проглотил её, как я — муху.

— Ещё хочешь? — спросил я.

— Что за вопрос? — ответил он уже веселее.

Я снова сбегал на кухню, впервые в жизни, как в тумане, украл батон. С ним одноглазый тоже расправился очень быстро и посмотрел на меня вопросительно.

— Пока всё, — смущённо сказал я. — Извини. Приходи завтра. Я по-

пытаюсь добыть чего-нибудь посытней.

— Приду, — сказал он. — Ты хороший парень. Извини и ты меня. Я тебе нагрубил: пустое брюхо портит характер...

Мы ещё постояли молча. Мне было очень жаль с ним расставаться.

— Послушай, — вдруг спросил он, — а как у тебя хозяева... ничего?

Вот чудак! Я тут же рассказал, как я прекрасно живу. Какие у меня замечательные хозяева, как они меня любят, балуют и прощают все мои номера.

Пёс внимательно слушал меня, потом сказал, опустив голову:

— Всё это когда-то было и у меня, братец... А теперь вот хожу и подбираюсь...

Комок застрял у меня в глотке. А чёрный пёс продолжал:

— Такие дела, пёсик. В нашей собачьей жизни всё может случиться. И если вдруг с тобой стрясётся беда — ищи меня на задних дворах и помойках. Иногда вечерами я прихожу в жёлтый домик на горе, там живут старик и лошадь. Прощай, друг.

Напрасные ожидания

2 июля

Утром, едва проснувшись, я кинулся к месту, где встретил вчера одноглазого пса. Я расстроился — среди собак у меня ещё никогда не было друзей, а он сказал мне: «Прощай, друг».

Потом тётя Груша позвала меня завтракать. Безо всякого аппетита съел овсяную кашу. Потом с большим удовольствием принялся было за кости, но сдержался. Все до одной съёс к забору и сложил кучкой на видном месте. Пусть одноглазый не думает, что на свете есть только одна собака, которая умеет делиться. Немного силы воли — и можно отказаться даже и от колбасы.

Во сне и наяву

7 июля

Мой одноглазый друг так и не пришёл. Хуже того, две сардельки, пирог с рисом, хлеб, сыр, картофельная котлета с грибами, которую я принёс с таким трудом, — всё растащили вороны. Я лаял на них, пока совсем не потерял голос. Но какой толк? Эти нахалки сидели на деревьях и, склонив головы, преспокойно слушали, как я надсаживаю горло!

Почему мой новый друг, измученный, грязный, в репейниках, ничего не ел три дня? Что у него за хозяйева, если у них собака в таком виде слоняется под чужими заборами?

Потом я подумал: почему он не сказал мне сразу, на какой даче живёт?

И вдруг я понял страшную правду. Мой друг — бездомный пёс. Его бросили хозяйева, когда уезжали с дачи. Этот старик, который живёт в жёлтом домике на горе, говорил нам с Витей о нём. «Бесхозные горемыки»!

Я долго лежал в траве, а горькие мысли не давали мне покоя.

В конце концов я решил сам отыскать и выручить друга.

Первым делом я, конечно, приведу его к нам. Мама Маша, как только его увидит, сразу же скажет: «Господи, до какого состояния довели бедную собачку!» Она его накормит из моей миски и выстрижет ножницами репейники. Витя и Пал Палыч построят для него теплую собачью будку. Тётя Груша, конечно, сперва будет ворчать: «Вот ещё, не хватало тут дармоедов!» Но потом она, как всегда, успокоится и позволит ему остаться, потому что она добрая и, кроме того, зимой боится оставаться одна дома.

Так я решил — а завтра начну действовать.

Новое знакомство

11 июля

Вчера я удрал на улицу и познакомился с Жучкой. Она — простая деревенская дворняжка, зато как хорошо знает жизнь! Я рад, что у меня сразу же хватило ума не задира́ть перед ней нос. И я получил много ценных сведений.

Одноглазого лично она не знает, но боится до смерти. Мне связываться с ним не советовала — говорит, наживёшь горя. Иначе как Чёрным Дьяволом его никто не называет. Прошлой зимой он унёс у них со двора красного петуха. Весь посёлок гонялся за ним с вилами.

— Поймали?! — испугался я.

Жучка сделала вид, будто не услышала мой глупый вопрос:

— Он спрятался у старика... одного доброго старика...

— У старика, который живёт в жёлтом домике на горе? — сразу же догадался я.

— Откуда ты взял? — подозрительно спросила она.

«Откуда?! Я-то сразу понял, кто этот добрый старик».

— А ты сама-то, ты никому не болтала об этом? — спохватился я.

Жучка фыркнула и задрала хвост.

— Собаки друг друга не выдают и зря языком не болтают. Запомни это.— Помолчала, а потом добавила презрительно:— Дачник!

На этом наш разговор оборвался. Хозяйка бросила Жучке кость. Отвернувшись, она принялась за неё так усердно, как будто меня на свете и вовсе не было. Я обиделся и ушёл.

— Где ты был?— спросил меня Витя.

Я поджал хвост.

— На улицу повадился шляться,— сказала тётя Груша.— Ты не вели ему, Витя. Замыкай калитку. Пёс он глупый, а настырный, раздерут его наши собаки.

Витя надел мне ошейник и погрозил:

— Будешь убежать — привяжу на верёвочку!

Я залез под крыльцо совсем расстроенный: как же мне теперь искать друга?!

13 июля

Ночью где-то далеко выла собака. Голос мне показался знакомым. А что если это был Чёрный Дьявол и у него опять какое-нибудь несчастье?..

(Продолжение следует)

В помощь следопыту
идущему по тропинке
в лес

Совёнок

Лисята

Сорочонок

Цайчонок

К фотографиям на 3-й странице обложки: вместо точек поставь зверя или птицу

Рис. Р. Попова

Рамдхари Синх Динкар был не только крупнейшим поэтом Индии, но и видным учёным и большим политическим деятелем. Многие годы он был членом индийского парламента, соратником и другом Джавахарлала Неру. Среди множества его произведений мы нашли сборник притч, две из них и предлагаем вашему вниманию.

Рамдхари Синх Динкар ДВЕ притчи

БЕЛЫЙ СЛОН И ПШЕНИЧНОЕ ПОЛЕ

У одного крестьянина было два сына. Старший — многодетный, младший — не женатый, молодой ещё. Однако, умирая, отец поделил всё свое имущество поровну: и у второго сына когда-нибудь будет семья, пусть не сетует, что отец его обделил.

Братья были трудолюбивыми и честными, и весной они — каждый на своём поле — собрали хороший урожай. Уже в мае стояло на их полях множество корзин с отборной пшеницей.

Но как-то ночью младший брат долго не мог уснуть. «Какой же я недобрый человек, — думал он, ворочаясь с боку на бок. — У меня ведь никто не сидит на шее, а я столько пшеницы себе одному оставил! Подумал бы о том, что у брата большая семья... Надо мне со своего тока перенести на ток брата несколько корзин пшеницы!»

Надумав это, холостой брат встал и перенёс брату двадцать корзин с пшеницей. Потом вернулся домой и спокойно уснул. И приснился ему сон: будто едет он на белом слоне по дороге, а по обе стороны дороги волнуются золотые поля высокой пшеницы.

Как раз в это время и проснулся старший брат. Проснулся и стал думать тяжкую думу: «Какой я жестокий человек, какой невнимательный брат! Вон ведь сколько у меня славных ребятишек. Вырастут они, будут лелеять мою старость, кормить меня и поить. А у моего несчастного брата никого нет. Почему бы мне не перенести на его ток несколько корзин пшеницы?! Он сможет её продать, выручить деньги, а они ему в старости ой, как пригодятся!»

Он вскочил с постели, побежал на свой ток. Перетаскав с него на ток брата двадцать корзин с пшеницей, довольный, вернулся домой и сразу заснул. Спал недолго — до рассвета мало времени оставалось, — но успел он увидеть удивительный сон: будто восседает он на белом слоне и едет на нём по бескрайнему полю, на котором колышется высокая золотая пшеница с тяжёлыми колосьями.

Утром младший брат пришёл на свой ток, глядя — а корзин на его току ничуть не убавилось. Что за диво такое?

И старший брат утром пришёл на свой ток, смотрит и удивляется — ни на одну корзину с пшеницей не стало на его току меньше!

Что делать?

В ту же ночь оба брата, крадучись, словно воры, переправили каждый со своего тока на ток брата

по двадцать корзин пшеницы. И снова видели они себя во сне на белых слонах, объезжающими необозримые поля пшеницы. И утром снова увидели, что на их токах пшеницы столько же, сколько было вечером.

И так продолжалось несколько ночей кряду. Пока наконец не столкнулись они на дороге, по которой носили корзины с пшеницей. Узнали они друг друга, сразу всё поняли, обнялись и прослезились от радости.

А слёзы их, упав на землю, оросили маленькое, почти умиравшее зёрнышко. Оно сразу же дало росток. И скоро между двумя токами братьев выросло роскошное дерево смоковницы.

Любой путник непременно садился отдохнуть в её тени. А если он засыпал, то ему обязательно снился сон, будто раскинулись вокруг него поля прекрасной пшеницы, а сам он едет мимо этих полей на великолепном белом слоне.

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ

Всё это случилось в первые дни сотворения мира.

Правда, к тому времени боги уже успели состариться, но зато Человек был совсем ещё свежень-

кий — даже глина, из которой он был вылеплен, не успела просохнуть.

И всё же это был уже Человек!

Когда он обсох, осмотрелся, то сразу же понял, что любое божество — и малое, и среднее, и большое — пользуется такими правами, какие ему, Человеку, не даны. И даже все растения, и животные, и рыбы, и птицы повторяют одно и то же:

— Конечно, Человек велик. Но всё-таки он не бог...

И вот однажды, когда Брахма — создатель всего живого — сидел в окружении бездельников-богов, встал перед ними Человек и сказал:

— Я не считаю себя ниже любого из вас из-за того, что сделан из глины. С сегодняшнего дня прошу

почитать меня наравне с небожителями. Ведь я — Человек и хочу быть богом!

— Что ты горячишься? Мы вовсе не против! — сказали боги, но на самом-то деле они были против Человека. Они просто хотели оттянуть время, потому что знали — Человек будет Владыкой Вселенной.

Сам Брахма, трудясь над созданием Человека, говорил им, что это будет мятежное существо, и хоть он сделан из глины — он станет Владыкою вод. И хоть нет у него крыльев — он сумеет взлететь в небо. Ему будут подвластны те силы, что заставляют дрожать леса и горы, и те, что сжигают пустыни и джунгли, и те, что сотрясают небеса. Ему будет принадлежать всё — богатства земных недр и морских глубин, изобилие земли и стихии Вселенной. И главное — все и всё будут ему служить. Тело Человека станет сильным, сердце — смелым, ум — решительным, быстрым и изобретательным. И совсем не важно, что Человек — суще-

ство смертное: великие бессмертные будут трепетать перед ним от унижительного страха. Он ещё — всё может случиться! — зажмёт их однажды в свой мощный кулак.

Вот почему, когда Человек сказал: «И я хочу стать богом!» — они не осмелились противоречить ему...

И вдруг они вспомнили, что могущество Человека заключено в его Священном Огне. «Вот бы похитить его», — подумали боги и... похитили, когда Человек спал.

Но где спрятать Священный Огонь?

На Земле? Но ведь Человек живёт на ней и знает каждый её уголок. В поисках Священного Огня Человек и весь рай обшарит, и в ад спустится: он таков, Человек. Хранить у себя? Да разве можно враждовать с Человеком?! Как бы он не разозлился, не пошел бы на богов войной!

Слушая все эти разговоры, мудрый Брахма улыбался и наконец предложил;

— А вы дайте Священный Огонь Человека мне!

Дали ему Огонь. Брахма взял его, зажал в кулак, а когда разжал — рука его оказалась пустой.

Боги были потрясены. А Брахма сказал им:

— Не волнуйтесь. Я спрятал Священный Огонь там, где Человек не скоро будет его искать — я спрятал Священный Огонь в его собственном сердце.

*Перевела с языка хинди
и пересказала для детей
Р. Баранникова*

Рис. Ю. Бочкарёва

цифры и факты

На VI фестивале в Москве, 28 лет назад, был разбит парк Дружбы. В его создании принимали участие и делегаты фестиваля. И на XII Московском гости фестиваля поработали в новом парке — крупнейшем в нашей стране парке для детей, который расположен недалеко от Гребного канала в Крылатском.

Спорт сближает людей. Для молодёжи соревнования — дело привычное, потому так много соревнований на XII фестивале. Что для них характерно? Все встречи — товарищеские, и хотя победители и призёры не определяются, тем не менее каждый участник станет чемпионом — получит в награду памятный вымпел, значок и, конечно, дружескую поддержку болельщиков.

Песня — сильное оружие в борьбе против войны. Нельзя петь о счастье, дружбе — и не петь о мире. Политическая песня — форма протеста против ядерного психоза. Кредо молодых — это «музыка для всех». Нельзя назвать цифры спетых на фестивале песен — они звучат в сердце каждого.

КОНКУРС «МОЛОДОСТЬ МИРА»

Между смекалистами, которые пришлют правильные ответы на опубликованные в этом номере головоломки, будет разыгран приз. Срок для ответов — 15 сентября.

ХОДОМ КОРОЛЯ

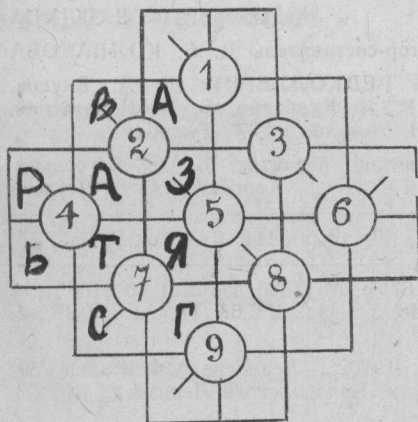
Ходом шахматного короля обойдите все клетки и прочтите строку из популярной песни молодёжи (3 очка).

ЦИКЛОКРОССВОРД

Составил Аркадий Емельянов
(279-я школа)

Все слова состоят из четырёх букв и начинаются в клетке, отмеченной стрелкой: 1. Парнокопытное животное семейства верблюдов. 2. Сосуд. 3. Приток Волги. 4. Древнерусское войско. 5. Красочное явление в атмосфере при восходе и заходе солнца. 6. Русский советский поэт. 7. Знамя. 8. Цветок. 9. Французский художник. (4 очка).

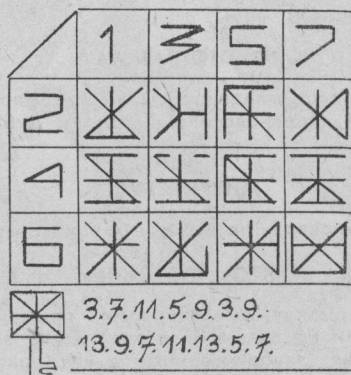
Отдел ведёт Н. А. САДОВЫЙ

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Составил Сергей Степанов
(146-я школа)

С помощью ключа превратите значки в буквы, а затем способом сложения прочтите название старинного архитектурного сооружения в Ленинграде (3 очка).

ПЕРЕСТАНОВКА

Составила Наташа Стаселько
(16-я школа)

Переставьте все буквы в таком порядке, чтобы получилось название одного из маршей пионерских отрядов (3 очка).

МИКРОРЕБУС

Составил Виктор Пашков
(444-я школа)

Прочтите название пионерского атрибута. (2 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

[Ответы к «Искорке» № 5]

ПЛЕТЁНКА

«Этот день мы приближали как могли» (из песни Д. Тухманова «День Победы»)

КРИПТОГРАММА

«Улица младшего сына» Л. Кассиля и М. Поляновского о Володе Дубинине.

МИКРОРЕБУС

«Блокада» по роману Н. Чаковского

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистыми, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 5, был разыгран приз. Он достался ученице 5-6 класса 4-й школы Насте Колесниковой.

Содержание

Мир, Дружба, Солидарность (Клуб юного коллекционера)	1
«Если б все на свете дети...» Стихи французских поэтов	5
Четыре рассказа про Артек Станислава Фурина	6
Катастрофа. Фантастический рассказ Бориса Никольского	11
Асияй едет на фестиваль. Интервью с Вячеславом Полуниным	14
«Над широким щедрым полем...» Стихи Альберто Серрета	24
День рождения «Алисы». (К 120-летию со дня выхода в свет книги «Алиса в Стране Чудес»). Очерк Галины Усовой	26
Лошадь и гиппопотам. Гвинейская сказка	30
Рассказы об экономике. Рассказ шестой. Столько и сверх столько. Рассказчик В. Ковичев	32
Поэт и палачи. Окончание повести-баллады Валерия Воскобойникова	38
Морские истории. Собрал и рассказал И. Луканов	42
Уроки иностранного языка. Стихи Николая Голя	43
Посреди ночи. Рассказ Филиппы Пиерс	49
Наши каникулы. Продолжение повести Сергея Лукницкого	54
Две притчи Рамдхари Синха Динкара	60
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й и 4-й страницах обложки рисунок Г. Ясинского «Здравствуй, фестиваль!»

На 2-й странице обложки зарисовки ленинградских художников «Москва. Фестиваль»

На 3-й странице обложки «Следопыт, или Тропинка в лес». Фото Н. Сладкова

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

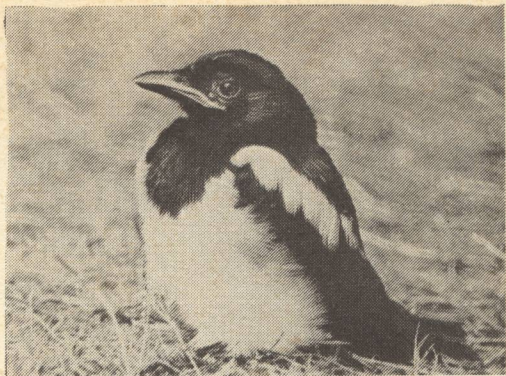
Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 02.07.85. Подписано к печати 19.07.85. М-17680. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,68. Тираж 60 000 экз. Заказ № 991. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

*Сидит,
или
Пропинка
в лес*

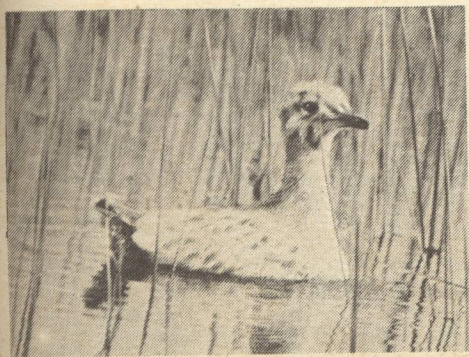
1. Полон лес малышей! Они ещё глупы и доверчивы. Смешной...?.. на самом видном месте уселся, ждёт, чтобы его родители покормили.

2. Глупый...?.... на всех глаза таращит, но есть не просит: он только по ночам обедает.

3. А вот...?.. всё равно: днём и ночью готовы играть и есть. Лишь бы мама принесла что-нибудь вкусненькое.

4. На речке...?.. купался-плескался, теперь на солнышке греется, ждёт, когда рыбка угостят. Сам ловить ещё не умеет.

